

РЕКВИЕМ

ЛОРЕН ОЛИВЕР

Лорен Оливер
Реквием
Серия «Делириум», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7008220

*Реквием : роман / Лорен Оливер ; [пер. с англ. О. М. Степашиной]. : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-63016-5*

Аннотация

После спасения Джулиана от смертной казни Лина и ее друзья сбежали в Дикие земли, надеясь найти там приют и безопасность.

Меньше всего Лина ожидает встретиться здесь с Алексом, который не только не умер, но и сумел выбраться из Крипты.

Впрочем, любовный треугольник волнует девушку меньше всего. Официальное правительство признало сам факт наличия заразных и объявило им войну. Регуляторы проникли на окраины, чтобы покончить с мятежниками. А это значит, что пришло время встать на защиту Диких земель. И пока Лина ежедневно подвергается страшной опасности, ее лучшая подруга, Хана, живет в мире без любви и готовится стать женой молодого мэра.

Они даже не подозревают, какие сюрпризы готовит им судьба.

В захватывающем финале трилогии Лорен Оливер все тайны наконец будут раскрыты, все сражения выиграны, а все чувства обнажены.

Содержание

Лина	5
Хана	9
Лина	15
Хана	20
Лина	23
Хана	27
Лина	31
Хана	36
Лина	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лорен Оливер

Реквием

Посвящается Майклу, сносящему стены

Lauren Oliver
REQUIEM

Copyright © 2012 by Lauren Oliver

Разработка серии *С. Шикина*
Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Данный роман – вымысел. Персонажи, события и диалоги порождены воображением автора, а не списаны с реальности. Всякое сходство с реальными событиями или людьми, как живыми, так и покойными, случайно.

Обитателям Портленда, Мэйна и окрестностей: пожалуйста, извините меня за то, что я сделала из ваших чудесных мест.

Лина

Мне снова стал сниться Портленд.

С тех пор как Алекс вернулся, воскрес, но при этом изменился до неузнаваемости, изменился ужасно, словно чудовище из страшилок, которые мы любили рассказывать в детстве, прошлое тоже вернулось. Оно просочилось сквозь трещины, пока мне было не до него, и жадно вцепилось в меня.

Вот о чем меня предупреждали все эти годы – о тяжести в груди, о кошмарах, что преследуют тебя даже во время бодрствования.

«Я тебя предупреждала», – слышится у меня в сознании голос тети Кэрол.

«Мы тебе говорили», – произносит Рэйчел.

«Лучше бы ты осталась!» – это Хана, дотянувшись сквозь время, сквозь затянутые туманом воспоминания, подает мне, тонущей, невесомую руку.

На север из Нью-Йорка нас выступает около двух дюжин: Рэйвен, Тэк, Джулиан и я, а еще Дэни, Гордо, Пайк и еще человек пятнадцать, по большей части помалкивающих и исполняющих приказы.

И Алекс. Но не мой Алекс – незнакомец, который никогда не улыбается, не смеется и почти не разговаривает.

Остальные, кому хоумстидом служил пакгауз у Уайт-Плейнс, разошлись на юг и на запад. Но теперь, несомненно, пакгауз полностью разорен и заброшен. Там теперь небезопасно после спасения Джулиана. Джулиан Файнмен – символ, важный символ. Зомби будут преследовать его. Они пожелают вздернуть этот символ и заставить его истечь кровью, чтобы остальным неповадно было.

Нам придется проявлять максимальную осторожность.

Хантер, Брэм, Ла и еще несколько членов старого Рочестерского хоумстида ждут нас к югу от Поукипси. Чтобы преодолеть это расстояние, нам потребовалось почти трое суток: пришлось обойти с полдесятка населенных городов.

А потом внезапно мы добираемся. Лес просто обрывается на краю огромного пространства из бетона, заплетенного сетью трещин, на котором до сих пор виднеются призрачные белые контуры парковок. На них по-прежнему стоят многочисленные машины, проржавевшие, лишённые множества частей – резиновых покрышек, металлических деталей. Они кажутся маленькими и немного смешными, словно брошенные ребенком старые игрушки.

Старые парковки растекаются во все стороны, словно серая вода, и тянутся как минимум до огромной постройки из стекла и стали – старого торгового центра. На вывеске, заляпанной птичьим пометом, причудливым рукописным шрифтом выведено: «Эмпайр Стейт Плаза Молл».

Воссоединение проходит радостно. Тэк, Рэйвен и я срываемся на бег. Брэм с Хантером тоже мчатся, и мы встречаемся посреди парковок. Я хохоча напрыгиваю на Хантера, а он обхватывает меня и поднимает. Все вопят и говорят одновременно.

В конце концов Хантер ставит меня наземь, но я продолжаю обнимать его одной рукой, словно он может исчезнуть. Второй рукой я обхватываю Брэма, пожимающего руку Тэку, и как-то так получается, что мы, вопя и подпрыгивая, образуем кучу-малу, переплетение тел в ослепительном солнечном свете.

– Так-так-так. – Мы отодвигаемся друг от дружки, оборачиваемся и видим, что к нам неспешно идет Ла, подняв брови. Она отпустила волосы и зачесала их так, чтобы они падали на плечи. – И кого ж тут принесло?

И я впервые за много дней чувствую себя счастливой.

За те недолгие месяцы, что мы провели врозь, Хантер и Брэм сильно изменились. Брэм, как ни странно, сделался массивнее. У Хантера появились новые морщинки в уголках глаз, но улыбка осталась, как всегда, ребячливой.

– Как Сара? – спрашиваю я. – Она здесь?

– Сара осталась в Мэриленде, – сообщает Хантер. – Тамошний хоумстид надежен, и она не захотела мигрировать. Сопротивление пытается передать весточку ее сестре.

– А Грэндпа и остальные? – У меня перехватывает дыхание, и что-то сдавливает грудь, как будто меня по-прежнему стискивают в объятиях.

Брэм с Хантером переглядываются.

– Грэндпа не дошел, – коротко бросает Хантер. – Мы похоронили его под Балтимором. Рэйвен отводит взгляд и сплевывает на асфальт.

– С остальными все в порядке, – поспешно добавляет Брэм. Он проводит пальцем по моему шраму исцеленного, тому самому, который он помогал подделать перед моим вступлением в сопротивление. – Неплохо выглядит, – говорит он и подмигивает.

Мы решаем разбить лагерь для ночевки. Здесь есть чистая вода неподалеку от старой мельницы, а развалины домов и бизнес-центров скрывают много полезного: среди щебня до сих пор можно найти банки консервов, заржавевшие инструменты, а Хантер даже отыскивает ружье. Оно до сих пор висело на перевернутых оленьих рогах, обильно покрытое осыпавшейся штукатуркой. А Хенли, невысокую, тихую женщину с длинными седыми волосами из нашей группы, начинает лихорадить. Ее оставляют отдыхать.

К концу дня вспыхивает спор о том, куда идти.

– Можно и разделиться, – говорит Рэйвен. Она сидит у ямы, которую расчистила под костер, и подкармливает первые язычки пламени обугленным концом палки.

– Чем больше группа, тем безопаснее, – возражает Тэк. Он снял флиску и остался в футболке, и перевитые мускулами руки оказались на виду. Дни постепенно становятся теплее, и лес начинает пробуждаться. Мы чувствуем приближение весны, подобно зверю, что ворочается во сне, жарко дыша.

Но сейчас, когда солнце село, Дикие земли поглотили длинные фиолетовые тени, и мы перестали двигаться, становится холодно. По ночам до сих пор подмораживает.

– Лина! – окликает меня Рэйвен. Я смотрю на разгорающийся костер, на то, как огонь вьется вокруг сосновых иголок, тоненьких веточек и ломких листьев. – Сходи проверь палатки, ладно? Скоро стемнеет.

Рэйвен развела костер в неглубоком овражке – наверное, здесь когда-то тек ручей, – он должен хотя бы отчасти защищать огонь от ветра. Она не стала устраивать лагерь слишком близко к торговому центру и его часто посещаемым окрестностям. Торговый центр высится за строем деревьев – искореженный черный металл и пустые окна, – словно инопланетный космический корабль. На насыпи, ярдах в десяти от костра, Джулиан помогает ставить палатки. Он стоит спиной ко мне. На нем тоже только футболка. Он провел всего три дня в Диких землях, и все-таки они уже успели изменить его. Волосы Джулиана спутаны, и над левым ухом торчит застрявший в них лист. Джулиан выглядит более худощавым, хотя никак не мог похудеть за это время. Просто таков эффект пребывания здесь, под открытым небом,

в трофейной, не по размеру большой одежде, в окружении глухомани, постоянно напоминающей о хрупкости нашего бытия.

Джулиан привязывает веревку к дереву и натягивает потуже. Наши палатки старые; они постоянно рвутся, и их приходится чинить. Они не стоят сами по себе. Их нужно ставить на колья, натягивать между деревьями и долго обихаживать, словно паруса на ветру.

Рядом с Джулианом возвышается Гордо и терпеливо ждет.

Я останавливаюсь в нескольких футах от них.

– Помощь нужна?

Джулиан с Гордо оборачиваются.

– Лина!

Джулиан радостно улыбается, но тут же опять сникает, поняв, что я не собираюсь подходить ближе. Я привела его сюда, в это странное новое место, и теперь мне нечего ему дать.

– Да нет, мы справимся, – отзывается Гордо. Волосы у него ярко-рыжие, и хотя он не старше Тэка, его борода достает до середины груди. – Сейчас уже закончим.

Джулиан выпрямляется и вытирает ладони о джинсы. Он колеблется, потом соскакивает с насыпи и идет ко мне, на ходу заправляя прядь волос за ухо.

– Сейчас холодно, – произносит он, когда до меня остается несколько шагов. – Ты бы лучше вернулась к костру.

– Я не мерзну, – возражаю я, но прячу руки в рукава ветронепроницаемой куртки. Холод терзает меня изнутри. И костер тут ничем не поможет. – А палатки неплохо смотрятся.

– Спасибо. Кажется, я уже набил руку. – Он улыбается одними губами – до глаз улыбка не добирается.

Три дня. Три дня напряженных разговоров и молчания. Я знаю, что Джулиан не может понять, что изменилось и можно ли сделать так, чтобы все было, как раньше. Я знаю, что причиняю ему боль. Что существуют вопросы, которые он заставляет себя не задавать, и вещи, которые он изо всех сил старается не говорить.

Он дает мне время. Он терпелив и благороден.

– Ты очень красиво смотришься в этом освещении, – произносит Джулиан.

– Ты никак ослеп. – Я хочу, чтобы это прозвучало как шутка, но голос мой звучит резко в разреженном воздухе.

Джулиан качает головой, хмурится и отворачивается. Ярко-желтый листок все еще торчит у него в волосах, за ухом. Мне отчаянно хочется протянуть руку и вынуть этот листик, а потом запустить пальцы в волосы Джулиана и засмеяться вместе с ним. «Вот это и есть Дикие земли, – сказала бы я. – Ты когда-нибудь мог себе такое представить?» А он запустил бы пальцы в мои волосы и сказал: «И что бы я без тебя делал?»

Но я не могу заставить себя пошевелиться.

– У тебя лист в волосах.

– Что? – Джулиан вздрагивает, словно я вырвала его из мечтаний.

– Лист. У тебя в волосах.

Джулиан нетерпеливо проводит рукой по голове.

– Лина, я...

От грохота выстрела мы оба подпрыгиваем. С деревьев за спиной у Джулиана взлетают птицы, на миг заслонив собою небо, прежде чем рассыпаться на отдельные силуэты. У кого-то вырывается ругательство.

Из-за деревьев за палатками выходят Дэни и Алекс. Оба с ружьями на плече.

Гордо выпрямляется и интересуется:

– Олень?

Уже почти стемнело. Волосы Алекса кажутся практически черными.

– Крупновато для оленя, – отзывается Дэни. Это крупная, широкоплечая женщина с высоким лбом и миндалевидными глазами. Она напоминает мне Мияко, умершую прошлой зимой, еще до того, как мы отправились на юг. Мы похоронили ее холодным днем, как раз накануне первого снега.

– Медведь? – уточняет Гордо.

– Может быть, – коротко отвечает Дэни. Дэни порезче Мияко. Она позволила Диким землям сточить ее до стальной основы.

– И как, вы попали? – излишне нетерпеливо спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Но мне хочется, чтобы Алекс посмотрел на меня, заговорил со мной.

– Разве что зацепили, – сообщает Дэни. – Трудно сказать. Но в любом случае недостаточно, чтобы остановить.

Алекс ничего не говорит и вообще никак не дает понять, что заметил мое присутствие. Он так и продолжает шагать через поставленные палатки, мимо нас с Джулианом, так близко, что мне чудится, будто я чувствую его запах – прежний запах травы и высушенного солнцем дерева, запах Портленда, от которого мне хочется расплакаться, уткнуться лицом в грудь Алексу и вдыхать, вдыхать этот запах...

А потом он начинает спускаться с насыпи, и тут до нас долетает голос Рэйвен:

– Ужин готов! Идите есть или останетесь в полете!

– Пойдем, – зовет Джулиан и касается моего локтя. Бережно, терпеливо.

Я разворачиваюсь, и ноги несут меня вниз с насыпи, к костру, ныне ярко пылающему, к парню, что превратился в тень у костра, полускрытую дымом. Вот чем теперь сделался Алекс – тенью, иллюзией.

За три дня он так и не заговаривает со мной и ни разу не смотрит в мою сторону.

Хана

Хотите узнать мою мрачную тайну? В воскресной школе я жульничала на контрольных.

Я никогда не заглядывала в Руководство «ББс», даже в детстве. Единственным интересовавшим меня был раздел «Легенды и жалобы», полный сказок о временах до исцеления. А больше всего я любила историю Соломона.

«Некогда во времена болезни предстали перед царем две женщины с младенцем. Каждая утверждала, что младенец этот ее. Обе отказывались отдать ребенка второй женщине и страстно умоляли рассудить их. Каждая утверждала, что умрет от горя, если дитя не вернут ей одной.

Царь, которого звали Соломон, молча выслушал обеих женщин и наконец объявил, что принял справедливое решение.

– Мы разрубим младенца напополам, – сказал он, – и каждая получит свою часть.

Женщины согласились с этим, и вперед выступил палач и топором разрубил ребенка ровно надвое.

Ребенок и вскрикнуть не успел, а матери смотрели, и на полу дворца осталось пятно крови, которое невозможно было ничем смыть...»

Мне было лет восемь-девять, когда я впервые прочла эту историю, и она меня поразила. Я долго потом не могла выбросить из головы несчастного малыша. Мне представлялось, как он лежит разрубленный на мраморном полу, словно бабочка под стеклом.

Вот чем так замечательна эта история. Она настоящая. Я что, собственно, имею в виду: даже если этого на самом деле не было – а про раздел «Легенды и жалобы» постоянно спорят, насколько он исторически достоверен, – она показывает мир в истинном свете. Помнится, я чувствовала себя в точности как тот ребенок: разорванной надвое чувствами, раздираемая между привязанностями и желаниями.

Таков мир болезни.

Таков он был для меня, пока меня не исцелили.

Через двадцать один день я выйду замуж.

У моей матери такой вид, словно она вот-вот расплачется, и я почти надеюсь, что это и вправду произойдет. Я видела ее слезы два раза в жизни: однажды, когда она сломала лодыжку, и еще – в прошлом году, когда она вышла и обнаружила, что протестующие перелезли через ворота, повыдергивали траву на газоне и разломали на куски ее прекрасную машину.

В конце концов мать просто говорит:

– Ты чудесно выглядишь, Хана. – А потом добавляет: – Хотя оно немного широковато в талии.

Миссис Киллеган («Зовите меня Энн», – жеманно улыбаясь, предложила она на первой примерке) медленно кружит вокруг меня, подкалывая ткань и подгоняя формы. Она высокая, с поблекшими светлыми волосами и измученным лицом, словно за годы работы проглотила множество иголок и булавок.

– Ты точно хочешь короткий рукав?

– Точно, – отвечаю я в тот самый момент, когда мама произносит:

– Вы думаете, они выглядят слишком по-молодежному?

Миссис Киллеган – Энн – экспрессивно взмахивает длинной костлявой рукой.

– Целый город будет смотреть, – говорит она.

– Вся страна, – поправляет ее мать.

– Мне нравятся эти рукава, – выдавливаю я и едва сдерживаюсь, чтобы не добавить: «Это моя свадьба». Но это уже нельзя считать правдой. С тех самых беспорядков в январе и смерти мэра Харгроува. Теперь моя свадьба принадлежит народу. О ней все говорят уже несколько месяцев. Вчера нам позвонили из Национальной службы новостей и спросили, можно ли им будет пустить отснятый материал или прислать свою группу, дабы заснять церемонию.

Сейчас стране нужны символы, больше чем когда бы то ни было.

Мы стоим перед трехстворчатым зеркалом. Нахмуренное лицо матери отражается в нем в трех разных ракурсах.

– Миссис Киллеган права, – произносит она, коснувшись моего локтя. – Давай посмотрим, как оно будет смотреться с рукавами три четверти, хорошо?

Я понимаю, что спорить бессмысленно. Три отражения кивают одновременно. Три одинаковые девушки с одинаковыми заплетенными белокурыми волосами в трех одинаковых белых платьях в пол. Я уже с трудом узнаю себя. Платье преобразило меня в ярком свете примерочной. Всю свою жизнь я была Ханой Тэйт.

Но девушка в зеркале – не Хана Тэйт. Она – Хана Харгроув, будущая жена будущего мэра, символ всего правильного в исцеленном мире.

Пример и образец для всех.

– Давайте-ка посмотрим, что у меня еще есть, – произносит миссис Киллеган. – Попробуем нарядить тебя в другом стиле, чтобы ты сравнила.

Она скользит по потрепанному серому ковру и исчезает в кладовой. Сквозь открытую дверь я вижу десятки платьев в пластиковых чехлах, покачивающихся на стойках для одежды.

Мать вздыхает. Мы провели здесь два часа, и я уже чувствую себя чучелом – будто меня набили соломой, насадили на кол и зашили на живую нитку. Мать устраивается на выцветшей скамеечке для ног рядом с зеркалами и чопорно кладет сумочку на колени, чтобы она не коснулась пола.

Магазин свадебных нарядов миссис Киллеган всегда был лучшим в Портленде, но и на нем отчетливо сказались последствия беспорядков и меры правительства по закручиванию гаек. Сейчас практически у всех стало хуже с деньгами, и это заметно. Одна из лампочек над головой перегорела, и в магазине пахнет затхлостью, словно тут не убирают как следует. На стене обои вспучились от сырости, а раньше я заметила большое коричневое пятно на одном из полосатых диванчиков. Миссис Киллеган заметила мой взгляд и небрежно бросила на диванчик шаль, чтобы прикрыть пятно.

– Ты действительно чудесно выглядишь, Хана, – говорит мать.

– Спасибо, – благодарю ее я. Я знаю, что я чудесно выгляжу. Может, и звучит самолюбленно, но это правда.

Это тоже изменилось с момента моего исцеления. Когда я еще не была исцелена, я никогда не чувствовала себя красивой, даже когда люди говорили мне об этом. Но после исцеления стена во мне рухнула. Теперь я вижу, что да, я просто и бесспорно красива.

И меня это больше не интересует.

– Ну вот. – Миссис Киллеган появляется из кладовки, неся несколько платьев в чехлах. Я подавляю вздох, но недостаточно быстро. Миссис Киллеган касается моей руки. – Не волнуйся, дорогуша, – говорит она. – Мы найдем идеальное платье. Мы ведь здесь ради этого, не так ли?

Я изображаю улыбку, и красивая девушка в зеркалах изображает ее вместе со мной.

– Конечно, – отвечаю я.

Идеальное платье. Идеальная пара. Идеальная счастливая жизнь.

Идеальность как обещание и заверение в том, что мы не ошибаемся.

Магазин миссис Киллеган находится в районе Старого порта, и, когда мы выходим на улицу, я чувствую знакомый запах водорослей и старого дерева. День солнечный, но с залива дует холодный ветер. Лишь несколько лодок покачиваются на воде – в основном рыболовецкие суденышки или серийные яхты. Издалека заляпанные птичьим пометом деревянные причалы кажутся тростником, растущим из воды.

На улице никого, не считая двух регуляторов и Тони, нашего телохранителя. Родители решили нанять охрану сразу после беспорядков, когда убили мэра, отца Фреда Харгроува, и решено было, что мне следует оставить колледж и как можно скорее выйти замуж.

Теперь Тони повсюду с нами, а в выходные присылает вместо себя брата, Рика. Мне потребовалось около месяца, чтобы научиться различать их. У обоих короткие толстые шеи и блестящие лысые головы. Оба неразговорчивы, а если все-таки открывают рот, не скажут ничего интересного.

Это было одним из самых больших моих страхов, когда я думала об исцелении: что процедура каким-то образом выключит меня и повлияет на мою способность думать. Но напротив, теперь я мыслю яснее. В определенном смысле я даже воспринимаю все более отчетливо. Прежде я постоянно ощущала своего рода нездоровье: меня переполняли паника, беспокойство и конкурирующие желания. Бывали ночи, когда я не могла уснуть, и дни, когда мне казалось, будто мои внутренности пытаются выползти наружу через горло.

Я была инфицирована. Теперь инфекция ушла.

Тони стоит, привалившись к машине. Интересно, он что, простоял в этой позе все три часа, что мы провели у миссис Киллеган? Когда мы подходим, он выпрямляется и открывает дверцу для матери.

– Спасибо, Тони, – благодарит она. – Все спокойно?

– Да, мэм.

– Хорошо.

Она усаживается на заднее сиденье, и я пристраиваюсь рядом с ней. Эта машина у нас всего два месяца – замена той, которую разгромили вандалы, – и всего через несколько дней после ее появления мать вышла из бакалейного магазина и обнаружила, что кто-то написал на машине краской «свинья». В глубине души мне кажется, что на самом деле мама наняла Тони из желания уберечь новую машину.

После того как Тони закрывает дверь, мир за тонированными окнами делается темно-синим. Тони включает радио, НКН, Национальный канал новостей. Голоса комментаторов звучат знакомо и успокаивающе.

Я откидываю голову на спинку кресла и принимаюсь наблюдать за тем, как мир приходит в движение. Я прожила в Портленде всю жизнь и помню почти каждую улицу и каждый угол. Но теперь они тоже кажутся далекими, надежно погружившимися в прошлое. Жизнь назад я любила сидеть на этих скамейках для пикника с Линой и подманивать чаек хлебными крошками. Мы говорили о полете. Мы говорили о побеге. Это было ребячество вроде веры в единорогов и магию.

Мне и в голову никогда не приходило, что она вправду убежит.

У меня скручивает желудок. Я осознаю, что с самого завтрака ничего не ела. Наверное, я голодна.

– Загруженная неделя, – говорит мать.

– Угу.

– И не забудь, что «Пост» хочет сегодня взять у тебя интервью.

– Не забуду.

– Теперь нам осталось только подобрать тебе платье для инаугурации Фреда, и все будет готово. Или ты пойдешь в том желтом, которое мы видели в «Лава» на прошлой неделе?

– Я еще точно не знаю, – отвечаю я.

– То есть как – ты еще точно не знаешь? Инаугурация через пять дней, Хана! Через пять! Все будут смотреть на тебя.

– Ну тогда то желтое.

– Правда, я понятия не имею, в чем идти мне...

Мы проезжаем через Вест-Энд, наш прежний район. Исторически сложилось так, что Вест-Энд стал домом всяческих шишек церкви и медицины: священников Церкви Нового Порядка, правительственных чиновников, врачей и ученых из лабораторий. Несомненно, именно поэтому он так пострадал во время беспорядков, последовавших за Инцидентами.

Беспорядки подавили быстро. До сих пор идут споры, то ли беспорядки породило реальное движение, то ли это результат направленного не туда гнева и страстей, которые так старательно пытаются искоренить. Однако же многие до сих пор полагают, что Вест-Энд расположен слишком близко к окраине, к проблемным районам, где скрываются сочувствующие и участники сопротивления. Многие семьи, подобно нашей, переехали с полуострова в другие места.

– Не забудь, Хана, в понедельник нам нужно поговорить с фирмой, обслуживающей торжества.

– Я помню, помню.

Мы сворачиваем с Дэнфорта на Вон, нашу прежнюю улицу. Я чуть подаюсь вперед, пытаюсь увидеть наш старый дом, но хвойные растения Андерсонов почти полностью заслоняют его, и мне удастся лишь мельком разглядеть остроконечную зеленую крышу.

Наш дом, как и расположенный рядом дом Андерсонов, и стоящий напротив дом Ричардсов, пуст и, возможно, таким и останется. Однако же вывесок «Продается» не видать. Сейчас никто не в состоянии делать такие покупки. Фред говорит, что застой в экономике будет сохраняться самое меньшее несколько лет, пока положение вещей не начнет стабилизироваться. Сейчас же правительству нужно восстановить контроль. Людям необходимо напомнить их место.

Интересно, пробрались ли уже мыши в мою комнату, оставляют ли помет на полированном паркете? Начали ли пауки плести паутину по углам? Скоро наш дом начнет выглядеть, как номер тридцать семь по Брукс-стрит – заброшенным, каким-то обгрызенным, медленно разрушающимся из-за термитов.

Еще одна перемена: я могу думать о тридцать седьмом доме, Лине и Алексе без того, чтобы мне сдавило горло.

– Готова поспорить: ты так и не посмотрела список гостей, который я оставила в твоей комнате.

– У меня не было времени, – рассеянно отвечаю я, не отрывая взгляда от пейзажа за окном.

Мы выезжаем на Конгресс, и окружение быстро меняется. Вскоре мы минуем одну из двух портлендских автозаправок – ее охраняет отряд регуляторов с винтовками, глядящими в небо, – потом дешевые магазинчики, прачечную самообслуживания с выцветшим оранжевым навесом и сомнительного вида продуктовый.

Вдруг мама подается вперед, ухватившись за спинку сиденья Тони.

– Ну-ка включи это! – резко бросает она.

Тони подкручивает ручку радиоприемника. Радио начинает звучать громче.

– Учитывая недавние волнения в Уотербери, штат Коннектикут...

– Господи! – вырывается у матери. – Опять!

– ...всем гражданам, особенно проживающим в юго-восточном секторе, настоятельно рекомендуется эвакуироваться во временное жилье в окрестностях Вифлеема. Билл Ардьюри, глава Особых сил, успокаивает взволнованных граждан. «Ситуация под контролем, – сказал он во время своего семиминутного обращения. – Государство и муниципальная милиция совместно работают над локализацией очага болезни и его скорейшим обеззараживанием. Никаких предпосылок дальнейшего заражения...»

– Хватит! – бросает мать, усаживаясь обратно. – Не могу больше это слушать!

Тони начинает искать что-нибудь другое. Вместо большинства станций лишь потрескивание. Месяц назад была громкая история: правительство обнаружило, что заразные приспособились использовать несколько частот для собственных нужд. Нам удалось перехватить и расшифровать несколько важных сообщений, что привело к победоносному рейду на Чикаго и аресту полудюжины руководящих лиц заразных. Один из них был повинен в организации взрыва в Вашингтоне прошлой осенью. При взрыве погибло двадцать семь человек, в том числе мать с ребенком.

Я радовалась, когда этих заразных казнили. Некоторые возмущались, что инъекция смертельного препарата – слишком гуманно для осужденных террористов, но я видела в этом важное послание: мы не злы. Мы рассудительны и сострадательны. Мы выступаем за справедливость, структурность и организацию.

А противостоят нам неисцеленные, несущие хаос.

– Просто отвратительно! – говорит мать. – Если бы мы сразу же начали бомбардировки, как только... Тони, осторожно!

Тони бьет по тормозам. Раздается визг шин. Меня швыряет вперед, и я чуть не врезаюсь лбом в подголовник переднего кресла, прежде чем ремень безопасности отбрасывает меня назад. Слышится глухой удар. В воздухе пахнет чем-то вроде жженой резины.

– Черт! – вырывается у матери. – Черт! Что за?..

– Прошу прощения, мэм. Я ее не заметил. Она выскочила откуда-то из-за мусорных баков...

Перед машиной стоит юная девушка; ладони ее лежат на капоте. Волосы окаймляют худое узкое лицо, а глаза у нее огромные и перепуганные. Она кажется мне смутно знакомой.

Тони опускает стекло в окне. В машину проникает запах мусорных баков – их несколько, выстроившихся в ряд, – сладковато-гнилостный. Мать кашляет и прикрывает нос рукой.

– Эй, ты цела? – интересуется Тони, высунувшись из окна.

Девушка не отвечает. Она тяжело дышит. Взгляд ее скользит по Тони, по матери на заднем сиденье, а потом по мне. Меня словно током бьет.

Дженни. Двоюродная сестра Лины. Я не видела ее с прошлого лета. Она сильно похудела. И стала выглядеть старше. Но это точно она. Я узнаю вырез ноздрей, горделивый острый подбородок и глаза.

Она тоже меня узнает. Прежде чем я успеваю хоть слово сказать, Дженни отталкивается от машины и стрелой мчится через улицу. На спине у нее болтается старый, испачканный чернилами рюкзак – потрепанный, принадлежавший еще Лине. Поперек кармана черными округлыми буквами выписано два имени, Лины и мое. Мы написали их на этом рюкзаке в седьмом классе, когда нам стало скучно на уроке. В тот день мы и придумали наше кодовое слово, нашу кричалку, которой мы потом приветствовали друг друга при встречах. Халина. Соединение наших имен.

– Ну вот ей же ей, достаточно уже взрослая девчонка, чтобы понимать, что нельзя выскакивать перед машиной! Она меня чуть до инфаркта не довела.

– Я ее знаю, – машинально произношу я. Мне до сих пор представляются огромные темные глаза Дженни и ее бледное исхудавшее лицо.

– В каком смысле – ты ее знаешь? – поворачивается ко мне мать.

Я опускаю веки и пытаюсь представить что-нибудь успокаивающее. Залив. Чаек, кружащих в синем небе. Потоки безукоризненно чистой белой ткани. Но вместо них я так и вижу глаза Дженни и ее заостренные скулы и подбородок.

– Ее зовут Дженни. Она двоюродная сестра Лины...

– Думай, что говоришь! – обрывает меня мать. Я запоздало осознаю, что мне не следовало ничего этого говорить. В нашей семье имя Лины хуже любого ругательства.

Много лет мама гордилась моей дружбой с Линой. Она видела в ней подтверждение своего либерализма. «Мы не должны судить о девочке по ее родственникам, – говорила она гостям, если те затрагивали эту тему. – Болезнь не передается генетически, эта идея устарела».

Когда Лина все же подхватила болезнь и сумела бежать прежде, чем ее успели исцелить, мать восприняла это как личное оскорбление, словно Лина сделала это нарочно, чтобы поставить ее в дурацкое положение.

«Все эти годы мы принимали ее в своем доме, – говорила она то и дело в никуда после побега Лины. – Хотя и осознавали, что рискуем. А ведь все нас предупреждали!.. Наверное, стоило нам тогда прислушаться».

– Она похудела, – произношу я.

– Тони, домой! – Мама снова откидывает голову и закрывает глаза, и я понимаю, что разговор окончен.

Лина

Я просыпаюсь посреди ночи, потому что мне снится кошмар. В нем Грейс застряла между половицами в нашей старой спальне в доме тетушки Кэрол. Снизу доносились крики: «Пожар!» Комната была полна дыма. Я пыталась высвободить Грейс, спасти ее, но ее руки выскальзывали из моих. Глаза жгло, дым душил меня, и я знала, что если не убегу, то умру. Но Грейс плакала и умоляла меня спасти ее, спасти...

Я сажусь. Я твержу про себя мантру Рэйвен – прошлое мертво, его не существует, – но она не помогает. Мне по-прежнему мерещится, как ручонка Грейс, мокрая от пота, выскальзывает из моей руки.

В палатке тесно. Дэни прижалась боком ко мне, а остальные три женщины свернулись за ней.

У Джулиана теперь своя палатка. Эдакая небольшая любезность. Ему дают время приспособиться, как давали его мне, когда я только-только пришла в Дикие земли. На это нужно время – чтобы привыкнуть к ощущению близости и к телам, постоянно сталкивающимся с твоим. В Диких землях нет личного пространства и не может быть никакой застенчивости.

Я могла бы присоединиться к Джулиану в его палатке. Я знаю, что он ожидал этого от меня после того, что мы с ним вместе пережили под землей – и похищение, и тот поцелуй. В конце концов, это я привела его сюда. Я спасла его и притащила за собой в новую жизнь, жизнь свободы и чувств. Ничто не препятствовало мне спать рядом с ним. Исцеленные – зомби – сказали бы, что мы уже инфицированы. Мы уже валяемся в своей мерзости, словно свиньи в грязи.

Кто знает? Может, они и правы. Может, чувства действительно сводят нас с ума. Может, любовь и вправду болезнь, и без нее нам было бы лучше.

Но мы выбрали иной путь. В конце концов, в этом и состоит смысл побега от исцеления – в свободе выбора.

Мы даже способны сделать неправильный выбор.

Мне никак не удастся снова заснуть. Воздуха не хватает. Я выбираюсь из-под меша-нины спальников и одеял и выкарабкиваюсь из-под полога палатки в темноту. Позади Дэни ворочается во сне и бормочет что-то неразборчивое.

Ночь холодная. Небо чистое, без единого облачка. Луна кажется больше обычного и заливают все серебристым сиянием, словно снегом припорошивает. Я стою минутку, наслаждаясь тишиной и спокойствием и любясь посеребренными луной пиками палаток, низко опущенными ветвями с набухающими почками. Изредка где-то вдалеке ухает сова.

В одной из палаток спит Джулиан.

А в другой – Алекс.

Я двигаюсь прочь от палаток. Иду я к ложине, мимо потухшего костра – от него остались лишь обгоревшие куски древесины и несколько тлеющих углей. В воздухе до сих пор еле уловимо пахнет обожженными консервными банками и фасолью.

Я сама толком не знаю, куда иду. Уходить от лагеря глупо – Рэйвен тысячу раз предупредила меня об этом. Ночью Дикие земли принадлежат животным. А еще ночью легче легкого заблудиться посреди леса. Но меня словно подзуживает что-то изнутри, и ночь такая светлая, ориентироваться нетрудно.

Я прыгаю в высохшее русло ручья, покрытое слоем камней и листьев и кое-где – останками прежней жизни: зазубренный металл банки из-под содовой, пластиковый пакет, детский ботинок. Я прохожу несколько сотен футов на юг, а потом дорогу мне преграждает огромный упавший дуб. Лежащий поперек ствол его настолько широк, что доходит мне до

груди. Переплетение могучих корней возносится к небу, словно темные струи какого-то фонтана-шутихи.

Тут сзади раздается шорох. Я стремительно оборачиваюсь. Тень шевелится, обретая объем, и на миг у меня останавливается сердце: я беззащитна, без оружия, мне нечем обороняться от голодного зверя. Потом тень выходит на открытое место и оказывается парнем.

В темноте не видно, что его волосы – цвета осенней листвы, золотисто-каштановые с отблеском рыжины.

– А, это ты, – говорит Алекс. Это его первые слова, обращенные ко мне за четыре дня. Я хочу сказать ему тысячу вещей.

Пожалуйста, пойми. Пожалуйста, прости меня.

Я каждый день молилась, чтобы ты был жив, пока не стало слишком больно надеяться.

Не надо меня ненавидеть.

Я по-прежнему люблю тебя.

Но вместо этого я говорю:

– Не спится.

Алекс наверняка помнит, что меня всегда мучили кошмары. Мы часто об этом говорили во время нашего лета в Портленде. Прошное лето – меньше года назад. В голове не уместается, какой огромный путь я проделала за это время. Невозможно представить то пространство, что пролегло между нами.

– И мне не спится, – откликается Алекс.

И эти простые слова и сам тот факт, что он вообще говорит со мной, словно что-то высвобождают во мне. Мне хочется обнять его и поцеловать, как прежде.

– Я думала, ты мертв, – говорю я. – Я чуть не умерла из-за этого.

– В самом деле? – бесстрастно интересуется Алекс. – Ты довольно быстро пришла в себя.

– Нет. Ты не понимаешь. – Горло сдавливает, словно меня кто-то душит. – Я не могла продолжать надеяться, а потом просыпаться поутру и обнаруживать, что все неправда, что тебя все равно нет. Я... я недостаточно сильная.

Алекс молчит. Сейчас слишком темно, чтобы разглядеть выражение его лица, – он снова отступил в темноту. Но я чувствую, что он смотрит на меня.

Наконец он произносит:

– Когда они забрали меня в Крипту, я думал, что они собираются меня убить. Но они даже этого не потрудились сделать. Они просто оставили меня умирать. Бросили в камеру и заперли дверь.

– Алекс... – Удушье спускается с горла в грудь, и я, сама того не понимая, начинаю плакать. Я подхожу поближе к нему. Мне хочется провести рукой по его волосам, поцеловать его в лоб и в веки, чтобы стереть всякие воспоминания о том, что он видел. Но Алекс отступает.

– Я не умер. Не знаю почему. Я должен был умереть. Я потерял много крови. Они удивились не меньше меня. А потом это стало своего рода игрой – посмотреть, сколько я продержусь. Посмотреть, что им удастся сделать со мной, прежде чем я...

Он внезапно умолкает, не договорив. Я не могу больше этого слышать. Я не хочу этого знать, не хочу, чтобы это было правдой, не могу думать о том, что они с ним творили. Я делаю еще шаг и касаюсь его груди и плеч в темноте. На этот раз Алекс не отталкивает меня. Но и не обнимает. Он стоит, холодный и недвижимый, словно изваяние.

– Алекс, – я повторяю его имя, словно молитву, словно заклинание, которое может все исправить. Я провожу рукой по его груди и подбородку. – Прости меня. Прости, пожалуйста.

Внезапно Алекс резко отстраняется и вместе с этим хватает меня за запястья и прижимает мои руки к туловищу. Он не отпускает их. Он крепко сжимает их, не давая мне дви-

гаться. Голос его тих и настойчив, и в нем столько гнева, что от него еще больнее, чем от его хватки.

– Бывали дни, когда я просил об этом – молился об этом перед сном. Вера в то, что я снова увижу тебя, что я сумею отыскать тебя, надежда на это – единственное, что не давало мне умереть. – Он отпускает меня и отступает еще на шаг. – Так что нет. Я не понимаю.

– Алекс, пожалуйста!

Он сжимает кулаки.

– Прекрати повторять мое имя. Ты не знаешь меня больше.

– Я знаю тебя. – Я все еще плачу, давясь спазмами в горле, сражаясь за каждый глоток воздуха. Это ночной кошмар. Я проснусь. Это детская страшилка, и Алекс вернулся ко мне в виде чудовищного создания, изломанного и полного ненависти. Я проснусь, и он будет здесь, он снова будет цельным, снова будет моим. Я нахожу его руку, касаюсь пальцев, и он пытается отдернуть руку.

– Это я, Алекс. Лина. Твоя Лина. Помнишь? Помнишь дом тридцать семь на Брукс-стрит? Помнишь одеяло, которое мы стелили на заднем дворе...

– Хватит! – отрезает Алекс. Голос его срывается.

– И я всегда выигрывала у тебя в скрэббл, – продолжаю я. Мне надо говорить, удерживать его, заставлять вспомнить. – Потому что ты всегда позволял мне выиграть. А помнишь, мы как-то раз захотели устроить пикник, но нам удалось достать лишь спагетти в консервах и немного зеленой фасоли? И ты предложил смешать их...

– Не надо.

– И мы смешали, и получилось неплохо. Мы съели целую банку, такие мы были голодные. А потом, когда начало темнеть, ты показал на небо и сказал, что там есть по звезде для всего, что ты во мне любишь.

Я задыхаюсь. Мне кажется, будто я тону. Я машинально тянусь к Алексу, цепляюсь за его воротник.

– Довольно! – Алекс хватается меня за плечи. Лицо его оказывается в дюйме от моего, но остается неразличимым: грубая, искаженная маска. – Хватит! Довольно! Это прошло. Все уже прошло.

– Алекс, пожалуйста...

– Хватит! – Его голос звенит, словно пощечина. Он отпускает меня, и я, спотыкаясь, отступаю. – Алекс мертв – слышишь меня? Все это – все, что мы чувствовали, все, что это значило, – этого больше нет, ясно? Оно похоронено. Исчезло.

– Алекс!

Он резко разворачивается обратно. В лунном свете он выглядит совершенно белым и яростным. Фотоснимок. Двумерный снимок, пойманный вспышкой.

– Я не люблю тебя, Лина. Слышишь? Я никогда тебя не любил.

Воздух исчезает. Все исчезает.

– Я не верю тебе.

Я плачу так сильно, что почти не могу говорить.

Алекс делает шаг в мою сторону. И теперь я вообще не узнаю его. Он полностью преобразился, превратился в незнакомца.

– Это была ложь. Ясно? Все это было ложью. – Безумием, как они твердят. Просто забудь об этом. Забудь, что это вообще когда-то было.

– Пожалуйста! – Я сама не понимаю, как держусь на ногах, почему не рухну в грязь, почему мое сердце продолжает биться, хотя мне так отчаянно хочется, чтобы оно остановилось. – Алекс, пожалуйста, не делай этого!

«Прекрати твердить мое имя».

Теперь мы оба слышим это – треск и шелест листьев позади нас. Что-то крупное движется через лес. У Алекса меняется выражение лица. Гнев исчезает, и на его месте возникает напряжение – так бывает напряжен олень за миг до того, как броситься бежать.

– Лина, не двигайся, – тихо произносит Алекс, но голос его настойчив.

Прежде чем я успеваю повернуться, я чувствую, как надо мной кто-то нависает, слышу сопение, ощущаю голод животного – страстный и обезличенный.

Медведь.

Он тоже пробирался по ложине и теперь стоит в каких-нибудь четырех футах от нас. Это черный медведь. Его свалывшийся мех отликает серебром в лунном свете. Он большой – пять-шесть футов в длину, и даже сейчас, когда он стоит на четырех лапах, он высотой почти мне по плечо. Медведь переводит взгляд с Алекса на меня и снова на Алекса. Глаза его, тусклые и безжизненные, словно вырезаны из оникса.

Две вещи приходят мне в голову одновременно. Медведь костлявый, изголодавшийся. Зима выдалась трудной.

То есть он нас не боится.

Меня пронзает страх. Он заглушает боль, заглушает все мысли, кроме одной: почему, ну почему я пошла в лес без ружья?!

Медведь делает еще шаг вперед, поводит массивной башкой из стороны в сторону, оценивает нас. Я вижу, как в холодном воздухе из его пасти вырывается пар, вижу его заострившиеся лопатки.

– Тихо, тихо, – все так же негромко говорит Алекс. Он стоит за мной, и я чувствую, как он напряжен – застыл, прямой, словно шомпол. – Успокойся. Все в порядке. Мы уходим. Медленно и осторожно.

Он делает один-единственный шаг назад, и это движение заставляет медведя присесть на задние лапы и оскалиться. Белые зубы сверкают в лунном свете. Алекс снова застывает. У медведя вырывается рычание. Он так близко от нас, что я чувствую жар, исходящий от его огромной туши, и ощущаю зловоние его дыхания.

Ну почему я не взяла ружье?! Поворачиваться и бежать нельзя – тогда мы превратимся в добычу, а медведь как раз ищет добычу. Глупо, как глупо! Правило Диких земель гласит: ты должен быть крупнее, сильнее и круче. Бей, или убьют тебя.

Медведь, продолжая рычать, делает еще шаг. Все мышцы в моем теле напряжены. Они вопят, требуя бежать, но я стою словно вкопанная, заставляя себя не шевелиться.

Медведь колеблется. Я не бегу. Может, я не добыча?

Он отступает на дюйм: выигрыш, крохотная уступка.

Я спешу воспользоваться ею.

– Эй, ты! – гаркаю я как можно громче и вскидываю руки над головой, стараясь выглядеть как можно крупнее. – А ну убирайся отсюда! Проваливай! Прочь!

Сбитый с толку медведь отступает еще на дюйм.

– Я сказала – прочь! – Я разворачиваюсь и пинаю ближайшее дерево, и на медведя сыплется кора. Медведь колеблется. Он по-прежнему не понимает, что происходит, но больше не рычит. Я приседаю и подбираю первый попавшийся камень, а потом встаю и швыряю его в медведя. Камень с глухим стуком бьет зверя под левое плечо. Медведь взвизгивает и пятится. А потом разворачивается и исчезает в зарослях, словно черная меховая клякса.

– Ни хрена себе! – вырывается у Алекса. Он громко, протяжно выдыхает, наклоняется и снова выпрямляется. – Ни хрена себе...

Адреналин и сброшенное напряжение заставляют его забыться. На мгновение новая маска спадает, и из-под нее выглядывает прежний Алекс.

К горлу подкатывает тошнота. Я думаю про уязвленные, полные безысходности глаза медведя, про глухой удар камня по его плечу. Но у меня не было выбора.

Таковы законы Диких земель.

– Чокнуться можно. Ты чокнутая. – Алекс качает головой. – Прежняя Лина бежала бы куда глаза глядят.

Ты должен быть крупнее, сильнее и круче.

Меня затапливает холод, а в груди кирпичик за кирпичиком растет стена. Он не любит меня.

Он никогда меня не любил.

Все это было ложью.

– Прежняя Лина умерла, – отрезаю я, потом прохожу мимо него и иду обратно по оврагу, к лагерю. Каждый шаг дается мне все труднее. Тело тяжелеет так, словно я превращаюсь в камень.

Бей, или ударят тебя.

Алекс не идет за мной, и я не жду, что он это сделает. Мне плевать, куда он пойдет, останется ли он в лесу на всю ночь, вернется ли он когда-либо в лагерь.

Как он сказал, все это – и забота тоже – в прошлом.

И лишь почти дойдя до палаток, я снова начинаю плакать. Слезы текут ручьем, и мне приходится остановиться и присесть. Мне хочется, чтобы все чувства вытекли со слезами. На мгновение я даже думаю, что проще всего было бы вернуться обратно, пойти напрямик в лабораторию и сдать хирургам.

«Вы были правы. Я ошибалась. Уберите это».

– Лина!

Я поднимаю голову. Джулиан выбрался из своей палатки. Должно быть, я его разбудила. Волосы его торчат под самыми неожиданными углами, словно сломанные спицы в колесе. Джулиан бос.

Я выпрямляюсь, вытирая нос рукавом трикотажной рубашки.

– Все в порядке, – говорю я, все еще всхлипывая. – Все нормально.

С минуту Джулиан стоит там, глядя на меня, и я готова поклясться, что он знает, почему я плачу, и все понимает, и все будет хорошо. Он раскрывает объятия.

– Иди сюда, – говорит он тихо.

Я бросаюсь к нему со всех ног. Я буквально влетаю в него. Джулиан ловит меня и крепко прижимает к своей груди, и я снова отпускаю поводья, позволяю рыданиям течь через меня. Джулиан стоит, и бормочет что-то мне в волосы, и целует меня в макушку, и позволяет плакать об утрате другого парня, парня, которого я любила сильнее.

– Извини, – повторяю я раз за разом, уткнувшись ему в грудь. – Извини. – От рубашки Джулиана до сих пор пахнет дымом костра, лесной подстилкой и пробуждающейся весной.

– Все в порядке, – шепчет он в ответ.

Когда я немного успокаиваюсь, Джулиан берет меня за руку. Я следую за ним в темную пещеру его палатки. Палатка пахнет так же, как его рубашка, только еще сильнее. Я падаю поверх спальника, и Джулиан ложится рядом со мной, окружая меня, словно морская раковина. Я сворачиваюсь в этом пространстве – теплом, безопасном – и позволяю последним слезам по Алексу течь по моим щекам, а с них – наземь и куда-то прочь.

Хана

– Хана! – Мать смотрит на меня выжидающе. – Фред попросил тебя передать зеленую фасоль.

– Извините, – отзываются я, заставляя себя улыбнуться. Прошлой ночью я почти не спала. Мне достались лишь обрывки снов – мимолетные образы, ускользавшие прочь прежде, чем мне удавалось на них сосредоточиться.

Я снова тянусь за глазурированным керамическим блюдом – как и все в доме Хардгроуов, оно прекрасно, – хотя совершенно ничто не мешает Фреду дотянуться до него самому. Это часть ритуала. Вскоре я стану его женой, и мы будем сидеть так каждый вечер, исполняя отрешенный танец.

Фред улыбается мне.

– Устала? – интересуется он. За прошедшие несколько месяцев мы провели немало часов вместе. Наш воскресный обед – лишь один из многих способов, какими мы упражняемся в объединении наших жизней.

Я провела немало времени, изучая лицо Фреда, пытаюсь понять, привлекателен ли он, и в конце концов пришла к выводу: у него очень приятная внешность. Он не так хорош собою, как я, но он умнее, и мне нравятся его темные волосы и то, как они падают ему на правую бровь, когда ему некогда убрать их.

– Она выглядит усталой, – произносит миссис Харгроув. Мать Фреда часто говорит обо мне так, словно меня здесь нет. Я не принимаю это близко к сердцу – она обо всех так говорит. Отец Фреда был мэром на протяжении трех с лишним сроков. Теперь же, когда мистер Харгроув мертв, Фреда готовят к тому, чтобы он занял место отца. Со времени Инцидентов в январе Фред неустанно вел кампанию за занятие места мэра, и это принесло свои результаты. Всего лишь неделю назад особый временный комитет утвердил его новым мэром. Он будет публично введен в должность в начале следующей недели.

Миссис Харгроув привыкла быть самой важной женщиной в этой комнате.

– Со мной все в порядке, – отвечаю я. Лина всегда говорила, что я так вру, что и черта одурачила бы.

На самом деле ничего со мной не в порядке. Меня беспокоит, что я не могу перестать беспокоиться о Дженни и о том, какая она теперь худая.

Меня беспокоит, что я снова думаю о Лине.

– Конечно, приготовления к свадьбе – это большой стресс, – говорит моя мать.

– Тебе-то что, не ты же подписываешь чеки, – бурчит мой отец.

Его замечание вызывает взрыв смеха. Комнату внезапно освещает вспышка света из окна: какой-то журналист, устроившийся в кустах прямо под окном, щелкает нас, чтобы потом продать снимок в местные газеты или на телестудии.

Миссис Харгроув устроила, чтобы сегодня вечером здесь присутствовали папарацци. Она слила фотографам место проведения ужина, который Фред устроил для нас в канун Нового года. Фотосессии подстраиваются и тщательно планируются, чтобы публика могла следить за развитием нашей истории и видеть, как мы счастливы благодаря тому, что нас так удачно подобрали друг другу.

И я действительно счастлива с Фредом. Мы с ним отлично ладим. У нас схожие вкусы, и нам есть о чем поговорить.

Потому я и беспокоюсь: все пойдет прахом, если окажется, что процедура сработала неверно.

– Я слышал по радио, что они эвакуировали часть Уотербери, – замечает Фред. – И часть Сан-Фран-циско. Беспорядки начались на выходных.

– Фред, я тебя умоляю, – произносит миссис Харгроув. – Нам действительно совершенно необходимо разговаривать об этом за ужином?

– Бессмысленно делать вид, будто ничего не происходит, – отрезает Фред, поворачиваясь к ней. – Именно это делал папа. И посмотри, к чему это привело.

– Фред! – В голосе миссис Харгроув появляется напряжение, но ей удается удержать улыбку на лице. Щелк! На секунду столовую освещает вспышка фотокамеры. – Сейчас действительно неподходящий момент...

– Мы не можем больше притворяться! – Фред обводит присутствующих взглядом, словно взывая к каждому из нас. – Сопротивление существует. Возможно, оно даже растет. Эпидемия – вот что это такое.

– Их блокировали в Уотербери, – подает голос моя мать. – Я уверена, что и в Сан-Франциско сделают то же самое.

Фред качает головой.

– Вопрос не только в заразных. В том-то и проблема. Существует целая система сочувствующих – сеть поддержки. Я хочу сделать то, чего не сделал папа, – с внезапной силой произносит Фред. Миссис Харгроув застывает. – Много лет ходили слухи о том, что заразные существуют и что их число даже возрастает. Вы это знали. Папа это знал. Но вы отказывались верить.

Я наклоняюсь над тарелкой. Кусок ягнятины лежит, нетронутый, рядом с зеленой фасолью и желе из свежей мяты. Я молюсь, чтобы журналистам снаружи не вздумалось сделать кадр сейчас: я уверена, что покраснела. Всем за столом известно, что моя бывшая лучшая подруга попыталась сбежать вместе с заразным, и они знают – или подозревают, – что я покрывала ее.

Голос Фреда делается тише.

– К тому времени, как он признал это, – к тому времени, как он пожелал действовать, – было уже поздно.

Он касается руки матери, но та берет вилку и снова принимается есть. Она с такой силой тыкает вилкой в зеленую фасоль, что зубцы прибора пронзительно звякают об тарелку.

Фред откашливается.

– Я отказываюсь относиться к этому иначе, – говорит он. – Для всех нас настало время посмотреть в лицо этой проблеме.

– Я просто не понимаю, почему мы должны говорить об этом за ужином, – возражает миссис Харгроув. – Когда у нас такой чудесный вечер...

– Прошу прощения, – излишне резко произношу я. Все за столом с удивлением поворачиваются ко мне. Щелк! Представляю себе, что это получится за фотография: у моей матери губы сложились в безукоризненную букву «О», миссис Харгроув хмурится, мой отец подносит кровоточащий кусок ягнятины ко рту.

– В каком смысле – «прошу прощения»? – вопрошает моя мать.

– Вот видишь? – миссис Харгроув вздыхает и укоризненно качает головой, порицая Фреда. – Ты огорчил Хану.

– Нет-нет. Дело не в этом. Просто... Вы были правы. Я неважно себя чувствую, – говорю я. Я комкаю салфетку, а потом, перехватив взгляд матери, расправляю ее и кладу рядом со своей тарелкой. – У меня болит голова.

– Надеюсь, ты не заболела, – произносит миссис Харгроув. – Нельзя, чтобы ты была больна во время инаугурации.

– Она не будет болеть, – поспешно заверяет ее моя мать.

– Я не буду болеть, – как попугай повторяю я. Я сама точно не знаю, что со мной такое, но голова действительно раскалывается от боли. – Думаю, мне просто надо прилечь.

– Я позову Тони. – Моя мать встает из-за стола.

– Нет-нет, не надо. – Сильнее всего мне хочется остаться одной. Уже месяц, с тех самых пор, как моя мать и миссис Харгроув решили, что свадьбу нужно ускорить, подогнав ее под вступление Фреда в должность мэра, я, похоже, бываю одна только в ванной. – Я не прочь пройтись.

– Пройтись?! – Мои слова вызывают мини-извержение. Внезапно все принимаются говорить одновременно. Отец произносит: «Это исключено!» – а мать: «Представь себе, как это будет выглядеть!» Фред подается ко мне: «Хана, сейчас небезопасно гулять». А миссис Харгроув заявляет: «У тебя, должно быть, жар».

В конце концов мои родители решают, что Тони отвезет меня домой, а потом вернется за ними. Это пристойный компромисс. По крайней мере я немного побуду дома в одиночестве. Я встаю и отношу свою тарелку на кухню, несмотря на попытки миссис Харгроув настоять, чтобы это сделала домработница. Я стряхиваю еду в мусорное ведро, и мне вспоминается вонь вчерашних мусорных баков и Дженни, внезапно выскочившая из-за них.

– Надеюсь, разговор тебя не беспокоил.

Я оборачиваюсь. Фред последовал за мной на кухню. Он соблюдает почтительное расстояние между нами.

– Нет, – отвечаю я. Я слишком устала, чтобы заверять его в чем-либо. Я просто хочу домой.

– У тебя ведь нет температуры? – интересуется Фред. – Ты что-то бледная.

– Я просто устала, – отзываюсь я.

– Хорошо. – Фред сует руки в карманы, темные, измятые спереди, как у моего отца. – А то я уж испугался, что мне подсунули брак.

Я встряхиваю головой. Наверняка мне это послышалось.

– Что?

Фред улыбается.

– Шучу. – У него ямочка на левой щеке и очень красивые зубы. Я ценю это. – До скорой встречи. – Он наклоняется и целует меня в щеку. Я невольно подаюсь назад. Я все еще не привыкла к его прикосновениям. – Желаю приятных снов.

– Спасибо, – отзываюсь я, но Фред уже покидает кухню и возвращается обратно в столовую, где скоро подадут десерт и кофе. Через три недели он станет моим мужем, и это будет моя кухня, и домработница тоже моя. Миссис Харгроув придется слушаться меня, и это я каждый день стану выбирать, что мы будем есть, и мне больше нечего останется желать.

Если только не окажется, что Фред прав. Что я – брак.

Лина

Споры продолжают – куда идти и разделяться ли.

Некоторые члены группы хотят снова двинуться на юг, а потом на восток, в Уотербери: по слухам, там успешное движение сопротивления и большой лагерь зараженных, процветающий в безопасности. Некоторые хотят направиться в Кейп Код: он практически не населен, и потому там безопаснее устраивать лагерь. А некоторые – Гордо, в частности – хотят идти на север и попытаться перебраться через границу, в Канаду.

В школе нас учили, что другие страны – те, что остались без лечения, – опустошила болезнь и теперь там безлюдные земли. Но это, как и большинство других вещей, которым нас учили, несомненно, ложь. Гордо слышал от трапперов и бродяг всякие истории о Канаде, и в этих рассказах она похожа на Эдем в изложении Руководства «ББс».

– Я голосую за Кейп Код, – говорит Пайк. У него белокурые волосы, безжалостно обретенные под самый корень. – Если снова начнутся бомбардировки...

– Если снова начнутся бомбардировки, опасно будет везде, – перебивает его Тэк. Пайк с Тэком постоянно бодаются лбами.

– Чем дальше от города, тем безопаснее, – возражает Пайк. Если сопротивление перерастет в полномасштабное восстание, можно ожидать немедленных ответных мер от правительства. – У нас будет больше времени.

– Для чего? Чтобы переплыть океан? – Тэк качает головой. Он сидит на корточках рядом с Рэйвен, а та чинит один из его силков. Просто поразительно, какой счастливой она выглядит, сидя в грязи после долгого дня пешего пути, – счастливее, чем в те времена, когда мы вместе жили в Бруклине, выдавая себя за исцеленных, в нашей симпатичной квартирке с блестящими гранями и полированными поверхностями. Там она походила на одну из тех женщин, про которых рассказывали на уроках истории, – ну, тех, которые затягивались в корсеты до такой степени, что едва могли дышать. Вот такой же была и Рэйвен – бледной и задыхающейся.

– Слушайте, нам от этого никуда не уйти. Самое лучшее для нас – объединять силы.

Тэк перехватывает мой взгляд поверх костра. Я улыбаюсь ему. Уж не знаю, как Тэк с Рэйвен разгадали, что произошло между Алексом и мной и какова наша история, – они мне ничего об этом не сказали, – но они внимательнее ко мне, чем обычно.

– Я за Тэка, – говорит Хантер. Он подбрасывает пулю, ловит ее на тыльную сторону ладони, а потом снова перебрасывает на ладонь.

– Мы можем разделить, – в сотый раз предлагает Рэйвен. Совершенно ясно, что ей не нравятся ни Пайк, ни Дэни. В этой новой группе иерархия построена не настолько четко, и не все готовы воспринимать слова Тэка и Рэйвен как откровение.

– Мы не будем разделяться, – твердо произносит Тэк. И тут же отбирает у Рэйвен силок со словами: – Давай помогу.

Так оно заведено у Тэка с Рэйвен. Это их личный язык напора и отката, споров и уступок. У исцеленных у всех отношения строятся одинаково, а правила и условия четко регламентированы. У неисцеленных отношения нужно восстанавливать в правах каждый день, а языки общения постоянно расшифровывать.

Свобода изнурительна.

– А ты как думаешь, Лина? – интересуется Рэйвен, и Пайк, Дэни и все прочие разворачиваются ко мне. Теперь, когда я проявила себя в сопротивлении, мое мнение приобрело известный вес. Я чувствую, что сидящий в тени Алекс тоже смотрит на меня.

– Кейп Код, – говорю я, скармливая огню еще порцию щепок. – Чем дальше от городов, тем лучше, и лучше иметь хоть какое-то преимущество, чем никакого. Вряд ли мы ока-

жемся там одни. Там найдутся и другие хоумстидеры, другие группы, с которыми можно объединиться.

Мой голос разносится над поляной. Интересно, заметил ли Алекс, что теперь я стала говорить громче и увереннее?

На мгновение наступает тишина. Рэйвен задумчиво смотрит на меня. Затем она внезапно разворачивается и бросает взгляд через плечо.

– А ты, Алекс?

– Уотербери, – без колебаний отвечает он. У меня внутренности скручивает узлом. Я знаю, что это глупо, что ставки больше, чем только мы двое, но все равно меня одолевает гнев. Конечно, он со мной не согласен! Конечно!

– Быть отрезанным от связи и информации – это не преимущество, – заявляет Алекс. – Война началась. Мы можем пытаться отрицать это, можем прятать голову в песок, но это правда. И война рано или поздно отыщет нас. Я за то, чтобы встретить ее лицом к лицу.

– Он прав, – подает голос Джулиан.

Я в изумлении поворачиваюсь к нему. Он практически всегда помалкивал во время наших вечерних посиделок у костра. Он все еще новичок, аутсайдер – хуже того, перебежчик с той стороны. Джулиан Файнмен, сын покойного Томаса Файнмена, основателя и главы «Америки без делирии», врага всего, за что мы выступаем. И неважно, что Джулиан отказался от своей семьи и своего дела – и это чуть не стоило ему жизни! – ради того, чтобы быть с нами. Я вижу, что некоторые все равно не доверяют ему.

Джулиан говорит размеренным тоном опытного оратора:

– Тактика уклонения не имеет смысла. Война нас не минует. Если сопротивление будет расти, правительство и военные сделают все, что в их силах, чтобы его остановить. Если мы будем отвечать ударом на удар, наши шансы будут выше, чем если нас захватят врасплох. Иначе мы превратимся в кроликов, ожидающих, пока их нору затопят.

Хотя Джулиан и поддерживает Алекса, смотрит он только на Рэйвен. Джулиан с Алексом никогда не разговаривают между собой и даже не глядят друг на друга, а остальные благоразумно предпочитают это не комментировать.

– Я за Уотербери, – вмешивается Ла, изрядно удивляя меня. В прошлом году Ла не желала иметь ничего общего с сопротивлением. Ей хотелось затеряться в Диких землях, устроить хоумстид как можно дальше от городов исцеленных.

– Ну тогда ладно. – Рэйвен встает и отряхивает джинсы. – Значит, Уотербери. Возражения есть?

С минуту все молчат, глядя друг на друга. Лица скрыты тенью. Никто не говорит. Меня принятое решение не радует, и Джулиан, должно быть, это чувствует. Он кладет руку на мое колено и слегка сжимает его.

– Значит, решено. Завтра мы можем...

Рэйвен не договаривает: ее перебивает грохот выстрела и внезапный шквал голосов. Мы все совершенно инстинктивно вскакиваем.

– Что за чертовщина? – Тэк закидывает ружье на плечо и вглядывается в окружающую нас темную массу деревьев, переплетение ветвей и лоз. Но лес снова безмолвствует.

Рэйвен вскидывает руку и шикает.

До нас доносится:

– Парни, помогите! – А потом: – Вот дерьмо!

Мы дружно расслабляемся. Это голос Спэроу. Он некоторое время назад ушел по своим делам в лес.

– Сейчас, Спэроу! – отзывается Пайк. Несколько человек ныряют в лес, превращаясь в тени, стоит лишь им выйти из небольшого круга света вокруг костра. Мы с Джулианом остаемся стоять, и я замечаю, что Алекс тоже никуда не пошел. Потом снова голоса: «Нога,

нога, за ногу бери!» А потом Спэроу, Тэк, Пайк и Дэни выходят на поляну. Каждая пара кого-то тащит. Сперва мне кажется, что волочат по животному, попавшему в ловушку, но потом я вижу в свете костра белую руку, свисающую к земле, и мне делается мутно.

Люди.

– Воды, дайте воды!

– Рэйвен, скорей аптечку, у нее кровь идет!

Меня на миг словно парализует. Тэк и Пайк укладывают тела у костра, и из тьмы выступают два лица: одно немолодое, темное, обветренное – эта женщина провела в Диких землях если и не всю жизнь, так уж точно бо́льшую ее часть. В уголках рта пузырится слюна, а дыхание хриплое и неровное.

Второе лицо неожиданно красивое. Девушка, должно быть, моя ровесница или даже младше. У нее смуглая кожа, а ее длинные темные волосы раскинулись за ней по грязи. На мгновение меня захлестывают воспоминания о моем собственном бегстве в Дикие земли. Должно быть, Рэйвен с Тэком нашли меня ровно в таком же виде: скорее мертвую, чем живую, всю в ссадинах и синяках.

Тэк разворачивается и перехватывает мой взгляд.

– Лина, помоги, – резко бросает он. Его голос выдергивает меня из транса. Я подхожу и присаживаюсь между ним и женщиной постарше. Рэйвен, Пайк и Дэни хлопчут вокруг девушки. Джулиан маячит у меня за спиной.

– Чем помочь? – спрашиваю я.

– Нужна чистая вода, – говорит Тэк, не поднимая головы. Он достал нож и срезает с женщины рубашку. Местами она чуть ли не сплавлена с кожей. А потом я в ужасе замечаю, что нижняя часть тела женщины страшно обожжена. Я на мгновение зажмуриваюсь и изо всех сил стараюсь сдержать тошноту. Джулиан успокаивающе касается моего плеча и уходит за водой.

– Вот черт, – бормочет Тэк, обнаружив еще одну рану, на этот раз на груди – длинную, рваную, глубокую и сильно воспаленную. – Черт! – Женщина издает булькающий стон и смолкает. – А теперь не отвлекать меня! – командует Тэк. Он стягивает с себя ветровку. Лоб его блестит от пота. Мы рядом с костром, в который как раз подбрасывают дров.

– Мне нужна аптечка. – Тэк хватается полотенце и рвет его на полосы, быстро и уверенно. Это будут жгуты. – Да принесите же кто-нибудь эту чертову аптечку!

Жар встает стеной. Темный дым столбом уходит в небо. Он проникает и в мои мысли, искажает восприятие, и все вокруг становится словно во сне: голоса, движения, жар, запах тел – все изломано, абсурдно, бессмысленно. Не знаю, сколько я стою на коленях рядом с Тэком, минуты или часы. В какой-то момент возвращается Джулиан с ведром горячей воды. Я помогаю промывать раны женщины и через некоторое время начинаю воспринимать ее тело не как плоть и кожу, а как нечто искривленное, деформированное, странное, словно темные куски окаменелого дерева, попадавшие нам в лесу.

Тэк говорит мне, что нужно делать, и я делаю. Еще воды, на этот раз холодной. Чистую ткань. Я встаю, иду, беру то, что мне дают, и возвращаюсь с этим. Еще минуты. Еще часы.

В какой-то момент я поднимаю взгляд, и оказывается, что рядом со мной не Тэк, а Алекс. Он зашивает женщине рану на плече обычной швейной иглой и длиной темной ниткой. Он сосредоточен и бледен, но действует быстро и размеренно. Ему явно уже доводилось этим заниматься. Я вдруг думаю, что очень много так и не знала о нем – о его прошлом, его роли в сопротивлении, о том, какова была его жизнь в Диких землях до того, как он пришел в Портленд, и меня захлестывает горе, такое пронзительное, что я чуть не плачу – не по тому, что я утратила, но по тем возможностям, которые я упустила.

Наши локти соприкасаются. Алекс отдергивает руку.

Дым забивается мне в горло так, что вздохнуть трудно. Воздух пахнет пеплом. Я должна обмывать одеревенелые руки и ноги женщины, так же как прежде раз в месяц помогала тете полировать стол красного дерева – осторожно и медленно.

Потом Алекс исчезает, и рядом со мной снова Тэк. Он берет меня за плечи и осторожно тянет назад.

– Хватит, – говорит он. – Брось. Ей это больше не нужно.

Мгновение я думаю: «Мы победили, она в безопасности». Но потом, когда Тэк направляет меня в сторону палаток, я вижу лицо женщины в свете костра – белое, восковое, с открытыми глазами, слепо глядящими в небо, – и понимаю, что она мертва и что все наши усилия пошли прахом.

Рэйвен до сих пор стоит на коленях рядом с девушкой, но действует она уже не так лихорадочно, и я слышу, что дыхание девушки выровнялось.

Джулиан уже в палатке. Я так устала! Я чувствую себя сомнамбулой. Джулиан двигается и освобождает место для меня, и я практически падаю на него, на этот маленький знак вопроса, образованный его телом. Мои волосы пропахли дымом.

– Ты как? – шепотом спрашивает Джулиан, отыскивая мою руку во тьме.

– Нормально, – шепчу я в ответ.

– А она как?

– Умерла, – коротко отвечаю я.

Джулиан судорожно стягивает воздух, и я чувствую, как его тело напрягается.

– Мне очень жаль, Лина.

– Ты не можешь спасти их всех, – говорю я. – Так не бывает.

Так всегда говорит Тэк, и я знаю, что это правда, хотя в глубине души до сих пор в это не верю.

Джулиан прижимает меня к себе и целует в затылок, а потом я позволяю себе провалиться в сон, уйти прочь от запаха гари.

Хана

Уже вторую ночь мои сны беспокоит один и тот же образ: два глаза, проступающие сквозь сгущающуюся тьму. Потом эти глаза превращаются в светящиеся диски, в фары, несущиеся прямо на меня, – застывшую посреди дороги, в окружении зловония отбросов и выхлопов мотора... неподвижную, словно схваченную, в ревущем жаре, исходящем от мотора...

Я просыпаюсь чуть после полуночи, вся в поту.

Этого не может быть. Только не со мной.

Я встаю и ковыляю в ванную, по дороге ударившись голенью об одну из нераспакованных коробок у меня в комнате. Хотя мы переехали еще в январе, больше двух месяцев назад, я не потрудилась распаковать ничего, кроме самого необходимого. Через три недели, даже того меньше, я выйду замуж, и мне снова придется переезжать. Кроме того, мои старые вещи – чучела животных, книги, забавные фарфоровые фигурки, которые я собирала в детстве, – теперь мало значат для меня.

В ванной я плещу себе в лицо холодной водой, пытаюсь смыть воспоминание о глазах-фарах, о тяжести в груди, о страхе перед тем, что меня сейчас задавят. Я говорю себе, что это ничего не значит, что исцеление на каждого действует немного по-разному.

За окном висит луна, круглая и неправдоподобно яркая. Я прижимаюсь носом к стеклу. Напротив, через улицу, стоит дом, почти точь-в-точь такой же, как наш, а рядом с ним – еще один дом-близнец. Они тянутся и тянутся вдаль, десятки копий, с одинаковыми остроконечными крышами, построенные недавно, но нарочито под старину.

Я ощущаю потребность двигаться. Я уже привыкла испытывать этот зуд, когда тело криком кричит, требуя пробежаться. С тех пор как меня исцелили, я бегала всего пару раз – и когда я все-таки пыталась бегать, все равно все было не то и не так, – и даже теперь идея не кажется мне привлекательной. Но мне ужасно хочется хоть что-нибудь сделать.

Я переодеваюсь в старые спортивные брюки и темную футболку с длинным рукавом. Еще я надеваю старую отцовскую бейсболку – отчасти чтобы волосы не лезли в глаза, а отчасти для того, чтобы меня не узнали, если вдруг кто встретится на пути. Формально у меня есть право находиться на улице во время комендантского часа, но мне совершенно не хочется отвечать на вопросы родителей. Хане Тейт, которая вскорости станет Ханой Харгроув, не подобает так поступать. Я не хочу, чтобы они знали, что у меня проблемы со сном. Мне нельзя давать им повод для подозрений.

Я зашнуровываю теннисные туфли и на цыпочках крадусь к двери спальни. Прошлым летом я привыкла тайком выбираться из дома. Тогда была вечеринка в складском помещении за Отремба-Пэинтс и вечеринка в Диринг Хайлэндс, которая попала под раздачу, были ночи на берегу в Сансет-парке и противозаконные встречи с неисцеленными парнями, включая тот раз в Блэк Коув, когда я позволила Стивену Хилту положить руку на внутреннюю сторону моего обнаженного бедра и время остановилось.

Стивен Хилт. Темные ресницы, аккуратные ровные зубы, запах сосновой хвои. Когда он смотрит на меня, у меня голова идет кругом.

Воспоминания кажутся моментальными снимками из чьей-то чужой жизни.

Я спускаюсь по лестнице в почти абсолютной тишине. Я нахожу запор на двери и отодвигаю его по миллиметру, так что засов выходит из паза беззвучно.

Холодный ветер шелестит в листьях кустов остролиста, окаймляющих наш двор за чугунными воротами. Остролист – это тоже своего рода фирменный знак «Древозащита Фармз». «Защита, безопасность и подлинная мера уединения», как пишется в рекламных брошюрах о недвижимости.

Я останавливаюсь, прислушиваясь, не идет ли где патруль. Ничего не слышать. Но они должны быть где-нибудь неподалеку. «Древозащита» обещает ежедневное и круглосуточное патрулирование силами добровольной стражи. Впрочем, район немаленький, со множеством ответвляющихся улочек и тупиков. Тут надо быть очень невезучим, чтобы наткнуться на патруль.

От главного выхода по дорожке, мощенной плитами, к чугунным воротам. На фоне луны проносятся летучие мыши, отбрасывая тени на газон. Я вздрагиваю. Зуд действий начинает покидать меня. Я думаю о том, как здорово было бы вернуться в кровать, зарыться под мягкие одеяла, в груды подушек, от которых слабо пахнет моющим средством, а потом проснуться с новыми силами и позавтракать яичницей-болтуньей.

От гаража доносится громкий стук. Я резко оборачиваюсь. Дверь гаража приоткрыта.

Первое, что приходит мне в голову, – фотографии. Кто-то из них перелез через ворота и забрался во двор. Но я быстро отметаю эту идею. Миссис Харгроув тщательно режиссирует все наше общение с прессой, и до сих пор я привлекала их внимание, только находясь рядом с Фредом.

Второе мое предположение – у нас крадут бензин. В последнее время из-за введенных правительством ограничений по Портленду прокатилась волна краж из домов, особенно в более бедных районах города. Совсем скверно было зимой: котлы отопления остались без солярки, машины – без бензина. Дома взламывали и варварски громили. За февраль одних только ночных краж со взломом случилось более двух сотен – такого уровня преступность не достигала ни разу за сорок лет с того момента, как было введено обязательное исцеление.

Может, вернуться в дом и разбудить папу? Но начнутся расспросы, придется объясняться...

Вместо этого я иду через двор к гаражу, не сводя глаз с приоткрытой двери – не шелохнется ли там что. Трава вся в росе, и мои теннисные туфли быстро промокают. Мне здорово не по себе. На меня кто-то смотрит.

Сзади раздается хруст сломанной ветки. Я стремительно оборачиваюсь. Ветер снова теребит остролист. Я делаю глубокий вдох и опять поворачиваюсь к гаражу. Сердце бьется где-то в горле – незнакомое и неприятное ощущение. Я не боялась – не боялась по-настоящему – с утра моего исцеления, когда я даже не могла развязать завязки больничного халата, так у меня дрожали руки.

– Эй! – шепотом зову я.

Снова шорох. В гараже определенно кто-то – или что-то – есть. Я останавливаюсь в нескольких футах от двери, оцепенев от страха. Глупо. Все это глупо. Надо вернуться в дом и разбудить папу. Я скажу, что услышала шум, а с вопросами разберусь позже.

Потом раздается негромкое мяуканье. В дверном проеме на миг появляются кошачьи глаза.

Я перевожу дух. Бездомная кошка, только и всего. Портленд кишит ими. Собаками тоже. Люди покупают их, а потом не могут справиться с животным или не желают о нем заботиться и выбрасывают на улицу. Там они плодятся. Я слыхала, что в окрестностях Хайлендса бродят целые стаи диких собак.

Я медленно продвигаюсь вперед. Кошка смотрит на меня. Я берусь за дверь и приоткрываю ее еще на несколько дюймов.

– Кис-кис-кис, – зову я. – Иди сюда!

Кошка стремительно уносится в глубь гаража. Она пролетает мимо моего старого велосипеда и врывается в стойку для велосипедов. Велосипед шатается, и я прыгаю вперед и подхватываю его прежде, чем он успевает грохнуться на пол. Руль у велосипеда покрыт пылью; невзирая на почти непроглядную темноту в гараже, я ощущаю эту грязь.

Одной рукой я придерживаю велосипед, а другой ощупываю стену в поисках выключателя. Наконец я зажигаю верхний свет. И тут же все в гараже делается совершенно обычным: машина, мусорные урны, газонокосилка в углу, банки с краской и запасные канистры с бензином, аккуратно составленные в пирамиду в другом углу. Среди банок сжалась в комочок кошка. По крайней мере выглядит она достаточно прилично – во всяком случае, пена изо рта не валит, и струпики не видать. Бояться нечего. Еще шаг по направлению к кошке, и та снова кидается прочь. На этот раз она пролетает рядом с машиной и, обогнув меня, выскакивает во двор.

Прислонив велосипед к стене гаража, я замечаю, что на одной из ручек до сих пор надета фиолетовая махровая резинка для волос. У нас с Линой были одинаковые велосипеды, но она любила поддразнивать меня, утверждая, что ее велосипед быстрее. Мы бросали велосипеды на траве или на берегу, а потом регулярно их путали. Лина запрыгивала на велосипед, едва притронувшись к педалям, а я взбиралась на него неуклюже, словно мелкий карапуз, и мы вместе ехали домой, хохоча взахлеб. Однажды Лина купила в дядином магазине две резинки для волос – себе фиолетовую, мне синюю – и потребовала, чтобы мы надели их каждая на руль своего велосипеда, чтобы их можно было отличить друг от дружки.

Теперь резинка вся в грязи. Я не ездила на велосипеде с прошлого лета. Это хобби, как и сама Лина, осталось в прошлом. Почему мы с Линой были лучшими подругами? О чем мы разговаривали? У нас же нет ничего общего. Мы любили разную еду и разную музыку. Мы даже верили в разное.

А потом она ушла, и это разбило мне сердце, так что я чуть не задохнулась. Не знаю, что бы я делала, если бы меня не исцелили.

Теперь я могу признать, что я, должно быть, любила Лину. Не противоестественным образом, нет – но мои чувства к ней явно были своего рода болезнью. Иначе отчего какой-то человек способен разнести тебя вдребезги – и заставить чувствовать себя цельным?

Порыв пройтись окончательно покинул меня. Теперь мне хочется лишь обратно в постель.

Я выключаю свет и закрываю дверь гаража, тщательно задвинув щеколду.

Повернувшись обратно к дому, я вижу на траве листок бумаги, уже испятнанный росой. Минуту назад его тут не было. Кто-то явно просунул его через ворота за то время, что я находилась в гараже.

Кто-то следил за мной – и, возможно, следит прямо сейчас.

Я медленно иду через двор. Я ловлю себя на том, что тянусь за листком. Я наклоняюсь, чтобы подобрать его.

Это зернистое черно-белое фото, явно скопированное с оригинала. На нем – целующиеся мужчина и женщина. Женщина отклоняется назад, запустив пальцы в волосы мужчине. Он улыбается даже во время поцелуя.

Под фотографией напечатано: «Нас больше, чем вы думаете».

Я инстинктивно комкаю листок. Фред был прав: сопротивление здесь, оно гнездится среди нас. Откуда-то же у них взялась копировальная техника, бумага, разносчики листовок.

Где-то хлопает дверь, и я подпрыгиваю. Внезапно ночь словно оживает. Я бегу к главному входу и, проскользнув в дверь и запирая ее за собой, совершенно забываю, что нельзя шуметь. На секунду я застываю посреди прихожей со скомканной листовкой в руке и вдыхаю знакомые запахи полироли и хлорокса.

Я иду на кухню и выбрасываю листовку в мусорное ведро. Потом передумываю, достаю ее из ведра и отправляю в измельчитель отходов. Я уже не беспокоюсь, что проснутся родители. Я просто хочу избавиться от этой картинки, от этих слов – от таящейся в них угрозы. «Нас больше, чем вы думаете».

Я мою руки горячей водой и неуклюже ковыляю к себе в спальню. Я даже не раздеваюсь, лишь сбрасываю туфли, сдергиваю с себя бейсболку и забираюсь под одеяло. Невзирая на жару, я никак не могу согреться.

Длинные темные пальцы обвивают меня. Руки в бархатных перчатках, мягкие, надушенные, смыкаются на моем горле, и откуда-то издали доносится шепот Лины: «Что ты делаешь?» – а потом пальцы милосердно разжимаются, руки отодвигаются от горла, и я падаю, падаю в глубокий сон без сновидений.

Лина

Когда я открываю глаза, в палатке царит зеленый полумрак – так солнце пробивается через зеленые тонкие стены. Земля подо мной немного сырая, как обычно по утрам; она дышит росой, избавляясь от ночного холода. До меня доносятся голоса и позвякивание металлической посуды. Джулиана в палатке нет.

Не припоминаю, когда я в последний раз спала так же крепко. Я даже не помню, что мне снилось. Может, это похоже на исцеление – когда просыпаешься бодрый, с новыми силами, не маясь от того, что во сне к тебе тянулись чьи-то длинные призрачные пальцы.

Снаружи неожиданно тепло. В кронах деревьев звенят птичьи песни. Облака скользят по бледно-голубому небу. Дикие земли храбро возвещают о приходе весны, как первая горделивая малиновка с пушистой грудкой, появляющаяся в марте.

Я спускаюсь к ручейку, к которому мы ходим за водой. Дэни только что завершила омовение и стоит совершенно нагая, вытирая волосы футболкой. Нагота обычно повергает меня в шок, но сейчас я едва замечаю ее. С таким же успехом на месте Дэни сейчас могла бы находиться темная, лоснящаяся выдра, отряхивающаяся от воды. Я спускаюсь немного ниже по течению, стягиваю с себя рубашку, плещу водой в лицо и под мышки и окунаю голову в воду, а потом выныриваю, хватая воздух ртом. Вода холодна, как лед, и я не могу заставить себя погрузиться в ручей.

Вернувшись в лагерь, я обнаруживаю, что тело пожилой женщины уже убрали. Надеюсь, ее где-нибудь похоронили. Я думаю про Блу и про то, как мы оставили ее в снегу, а лед сковал ее длинные ресницы и запечатал глаза, и про сожженную Мияко. Призраки моих снов. Удастся ли мне хоть когда-нибудь избавиться от них?

– С утром, солнышко, – приветствует меня Рэйвен, не отрывая взгляда от куртки, которую она штопает. Она держит в зубах веер из нескольких иголок, и ей приходится говорить сквозь них. – Как спалось? – Ответа она не ждет. – Там у костра какой-то харч. Пойди поешь, пока Дэни не наложила лапу на добавку.

Девушка, которую мы спасли прошлой ночью, проснулась и сидит рядом с Рэйвен, неподалеку от костра, набросив на плечи красное одеяло. Она красивее, чем мне казалось. У нее ярко-зеленые глаза, а кожа чистая и мягкая даже на вид.

– Привет, – говорю я, проходя между ней и костром. Девушка робко улыбается в ответ, но ничего не говорит, и я чувствую симпатию к ней. Я помню, как я была перепугана, когда бежала в Дикие земли и очутилась в обществе Рэйвен, Тэка и прочих. Интересно, откуда пришла эта девушка и какие ужасы она повидала?

У края костра стоит помятый котелок, до половины зарывшись в пепел. На дне чуть-чуть тушеной фасоли с овсяными хлопьями, оставшейся со вчерашнего ужина. Она пригорела и на вкус совершенно никакая. Я откладываю себе немного в миску и заставляю себя есть.

Когда я заканчиваю трапезу, из леса выныривает Алекс с пластиковой бутылкой воды. Я машинально поднимаю взгляд, проверить, обратит ли он на меня внимание, но Алекс, как обычно, смотрит куда-то поверх меня.

Он проходит мимо и останавливается рядом с новенькой.

– Вот, – мягко сообщает он голосом прежнего Алекса, Алекса моих воспоминаний. – Я принес тебе немного воды. Не волнуйся, она чистая.

– Спасибо, Алекс, – отзывается девушка. Его имя, звучащее из ее уст, вызывает у меня ощущение неправильности: так я чувствовала себя в детстве на Клубничном празднике в Истерн-Пром в доме кривых зеркал – словно все вокруг искажено.

Следом за Алексом из леса, пробираясь через сплетение ветвей, выходят Тэк, Пайк и еще несколько человек. Одним из последних появляется Джулиан, и я, вскочив, кидаюсь к нему, в его объятия.

– Ух ты! – со смехом произносит Джулиан, чуть пошатнувшись и прижав меня к себе. Он явно удивлен и обрадован. Я никогда не проявляла таких нежностей по отношению к нему днем, у всех на глазах. – Это в честь чего?

– Я соскучилась, – сообщаю я и чувствую, что у меня невесть почему перехватило дыхание. Я прижимаюсь лбом к его ключице и кладу ладонь ему на грудь. Биение его сердца успокаивает меня. Джулиан настоящий. Он вправду здесь.

– Мы прочесали все вокруг на три мили, – сообщает Тэк. – Все вроде спокойно. Должно быть, стервятники ушли в другом направлении.

Джулиан напрягается. Я разворачиваюсь и смотрю на Тэка.

– Стервятники? – переспрашиваю я.

Тэк бросает на меня взгляд, но не отвечает. Он стоит перед новой девушкой. Алекс так и сидит рядом с ней. Между их руками – всего несколько дюймов, и я не могу отвести глаз от их почти соприкасающихся плеч и локтей.

– Ты не помнишь, в какой день они появились? – спрашивает Тэк у девушки, и я вижу, что он едва сдерживает нетерпение. Внешне Тэк ворчлив и груб – совсем как Рэйвен. Потому-то они так хорошо подходят друг другу.

Девушка прикусывает губу. Алекс касается ее руки, нежно и успокаивающе, и меня внезапно захлестывает ощущение тошноты.

– Ну давай же, Корал, – подбадривает ее Алекс. Корал. Конечно, ее должны звать Корал. Красивая, хрупкая и особенная.

– Я... я не помню. – У нее низкий голос, почти как у парня.

– Попробуй вспомнить, – настаивает Тэк. Рэйвен выразительно смотрит на него, ясно давая понять – не дави на нее!

Девушка чуть плотнее закутывается в одеяло и откашливается.

– Они пришли несколько дней назад – три, может, четыре. Не знаю точно. Мы нашли старый сарай, совершенно целый... Заночевали там. Нас было немного. Дэвид, и Тиг, и... и Нэн. – Голос девушки срывается, но она заглушает этот срыв, с шумом втянув воздух. – И еще несколько человек – всего восемь. Мы держались вместе с тех самых пор, когда я только попала в Дикие земли. Мой дедушка был священником одной из старых религий. – Корал смотрит на нас с вызовом, словно бросает вызов – не осмелится ли кто критиковать ее? – Он отказался обратиться в Новый порядок, и его убили. – Она пожимает плечами. – С тех пор нашу семью преследовали. А когда моя тетя оказалась сочувствующей... ну, мы попали в черный список. Нас не брали на работу, не назначали никому из нас пару. В Бостоне не нашлось ни одного домовладельца, который сдал бы нам жилье, – правда, у нас все равно не было денег, чтобы за него платить.

В голосе Корал проскальзывает горечь. Я понимаю, что лишь недавний шок заставляет ее выглядеть хрупкой и уязвимой. При нормальных обстоятельствах она – лидер, как Рэйвен. Как Хана.

Я вижу, как Алекс смотрит на нее, и снова ощущаю укол ревности.

– Стервятники, – напоминает ей Тэк.

– Хватит, Тэк, – вмешивается Рэйвен. – Она сейчас не в состоянии об этом говорить.

– Нет-нет. Я могу говорить. Просто... Я плохо помню... – Корал снова качает головой, только на этот раз вид у нее озадаченный. – У Нэн были проблемы с суставами. Она не любила оставаться одна в темноте, когда ходила мыться. Боялась, что может упасть. – Девушка подтягивает колени поближе к груди. – Мы по очереди присматривали за ней. Тем вечером была моя очередь. Только поэтому я не... только поэтому... – Она не договаривает.

– Значит, все остальные мертвы? – глухо переспрашивает Тэк.

Корал кивает. «Черт!» – бормочет Дэни и пинком, ни в кого не метя, посылает ком земли в полет.

– Сожжены, – говорит девушка. – Спящими. Мы видели, как это произошло. Стервятники окружили сарай – и раз, он вспыхнул, словно спичка. Нэн словно обезумела. Кинулась к сараю. Я за ней... а после этого я почти ничего не помню. Я думала, она кинулась в огонь... а потом я помню, что пришла в себя в канаве, и шел дождь... а потом вы нашли нас...

– Черт, черт, черт! – С каждым словом Дэни пинает землю.

– Хватит мешать! – прикрикивает Рэйвен.

Тэк потирает лоб и вздыхает.

– Они ушли из этого района, – говорит он. – Это передышка для нас. Нам остается лишь надеяться, что мы с ними не столкнемся.

– Сколько их было? – спрашивает у Корал Пайк. – Пять? Семь? Десяток? Ну давай же! Ты должна сообщить нам хоть что-то про...

– Я хочу знать – почему? – перебивает его Алекс. Хотя он говорит негромко, все тут же замолкают и прислушиваются к нему. Мне ужасно нравилась эта его способность овладеть ситуацией, даже не повышая голос, его непринужденность и уверенность.

Теперь мне не полагается испытывать подобных чувств, потому я сосредотачиваюсь на том, что передо мной, в каких-нибудь нескольких дюймах, стоит Джулиан. Я сосредотачиваюсь на том, что колени Алекса и Корал соприкасаются, и он не отодвигается и вообще, похоже, ничуть не возражает против этого.

– Чем было вызвано нападение? Зачем жечь сарай? Это все бессмысленно. – Алекс качает головой. – Всем известно, что стервятники грабят, а не разоряют. А тут случился не грабеж, а бойня.

– Стервятники действуют заодно с АБД, – произносит Джулиан. Голос его ровен и спокоен, хотя ему наверняка трудно об этом говорить. АБД – организация его отца, дело всей жизни его семьи, и до тех пор, пока мы с Джулианом не встретились – а это произошло всего несколько недель назад, – это было делом жизни и самого Джулиана.

– Именно. – Алекс встает. Хотя они с Джулианом явственно разговаривают друг с другом, Алекс отказывается смотреть в нашу сторону. Он глядит на Рэйвен с Тэком. – Для них речь больше не идет о выживании, так? Только о плате. Ставки выросли, и цели изменились.

Никто ему не возражает. Все знают, что он прав. Стервятникам всегда было плевать на исцеление. Они уходили в Дикие земли потому, что не принадлежали к нормальному обществу – или их оттуда вышвыривали. У них не было ни привязанностей, ни чести, ни идей. И хотя стервятники всегда оставались безжалостны, у их нападений имелась цель – они грабили и мародерствовали, забирали припасы и оружие и не останавливались перед попутными убийствами.

Но убийство без цели и без какой-либо прибыли...

Это совсем другое. Это убийство по контракту.

– Они нас убивают, – произносит Рэйвен, медленно, словно эта мысль лишь сейчас пришла ей в голову. Она поворачивается к Джулиану. – Они собираются охотиться на нас, как... как на животных. Так ведь?

Теперь все смотрят на Джулиана – некоторые с любопытством, некоторые с негодованием.

– Я не знаю. – Джулиан едва заметно запинается, прежде чем произнести эти слова. Потом добавляет: – Они не могут позволить себе оставить нас в живых.

– Теперь мне можно сказать «черт»? – язвительно интересуется Дэни.

– Но если АБД и регуляторы используют стервятников, чтобы убивать нас, это доказывает, что сопротивление – реальная сила, – пытаюсь спорить я. – Они видят в нас угрозу. Это хорошо.

На протяжении многих лет правительство фактически защищало заразных, поскольку официальная точка зрения гласила, что болезнь, амор делирия невроза, была уничтожена во время бомбардировок, вместе со всеми инфицированными. Любви больше нет. Признать существование сообществ зараженных все равно что расписаться в собственной неудаче.

Но теперь продолжать пропаганду стало невозможно. Сопротивление сделалось слишком серьезным и заметным. Они не могли больше ни игнорировать нас, ни притворяться, будто нас не существует, – и потому они теперь должны попытаться уничтожить нас.

– Ага, и теперь мы проверим, насколько это здорово, когда стервятники поджарят нас во сне! – снова взрывается Дэни.

– Хватит. – Рэйвен встает. В ее смоляных волосах мелькает седая прядь. Я никогда прежде не замечала ее. Интересно, она всегда там была или появилась недавно? – Нам просто нужно быть поосторожнее. Мы будем тщательнее выбирать место для лагеря и оставлять на ночь стражу. Ясно? Если они охотятся на нас, значит, нам необходимо быть быстрее и умнее. И быть заодно. Чтобы нас с каждым днем становилось больше. – Рэйвен многозначительно смотрит на Пайка с Дэни, потом переводит взгляд на Корал. – Как ты думаешь, у тебя хватит сил идти?

Корал кивает.

– Думаю, да.

– Ну ладно. – Тэк определенно начинает нервничать. Уже, должно быть, никак не меньше десяти часов. – Тогда сворачиваемся. Проверьте силки. Начинайте собирать вещи. Выступаем сразу же, как только сможем.

Тэк с Рэйвен больше не были бесспорными руководителями группы, но они по-прежнему могли заставить людей двигаться, и в этом случае никто не спорил. Мы простояли лагерем рядом с Пукипзи почти три дня, и теперь, когда мы решили, куда идти, нам не терпелось туда добраться.

Группа распадается, и все рассыпаются между деревьев. Мы путешествуем вместе почти неделю, не такой большой срок, но за это время каждый уже принял на себя определенную роль. Тэк и Пайк – охотники. Рэйвен, Дэни, Алекс и я занимаемся силками. Ла приносит и кипятит воду. Джулиан пакует и распаковывает вещи. Остальные чинят одежду и латают палатки. В Диких землях все зависят друг от друга.

В этом исцеленные и неисцеленные согласны друг с другом.

Я иду следом за Рэйвен, которая крадучись поднимается по склону, к оставшимся после бомбардировки фундаментам – когда-то там, должно быть, стоял квартал домов. Там водятся еноты.

– Она идет с нами? – не выдерживаю я.

– Кто? – Рэйвен, похоже, удивлена, обнаружив меня рядом.

– Эта девушка. – Я стараюсь сохранять безразличный тон. – Корал.

Рэйвен приподнимает бровь.

– А что, у нее есть выбор? Либо она идет с нами, либо остается и умирает от голода.

– Но... – Я не могу объяснить, почему мне упорно кажется, что Корал нельзя доверять. – Мы ничего не знаем о ней.

Рэйвен останавливается. Она поворачивается ко мне.

– Мы ничего не знаем ни о ком, – произносит она. – Ты что, еще не поняла? Ты ни черта не знаешь обо мне. Я ни хрена не знаю о тебе. Ты даже о самой себе ни фиги не знаешь.

Я думаю об Алексе – незнакомом, холодном парне, которого я когда-то знала – так мне казалось. Возможно, не так уж и сильно он изменился. Возможно, я просто никогда на самом деле его не знала.

Рэйвен вздыхает и трет лицо ладонями.

– Слушай, я говорила совершенно серьезно. Мы все повязаны и должны действовать вместе.

– Я понимаю, – отзываюсь я и оглядываюсь на лагерь. Издалека красное одеяло на плечах у Корал выглядит неуместно, словно пятно крови на полированном деревянном полу.

– Не думаю, – возражает Рэйвен. Она становится передо мной, вынуждая посмотреть ей в глаза. Глаза у нее суровые, почти черные. – То, что происходит сейчас, – лишь это важно. Это не игра. Не шутка. Это война. Она больше, чем все наши объединенные силы. Мы больше не имеем значения. – Голос ее смягчается. – Помнишь, что я всегда тебе говорила? Прошлое мертво.

Теперь я понимаю, что она говорит об Алексе. У меня сдавливает горло, но я не желаю, чтобы Рэйвен видела меня плачущей. Я никогда больше не стану плакать из-за Алекса.

Рэйвен снова трогается с места.

– Идем! – окликает она меня через плечо. – Тебе еще помогать Джулиану собирать палатки.

Я оглядываюсь. Джулиан уже разобрал половину палаток. Сейчас он как раз обвалил еще одну, и она съехала, словно грибок, растущий внутрь.

– У него там все в порядке, – говорю я. – Я ему не нужна. – И делаю шаг следом за Рэйвен.

– Уж поверь мне, – Рэйвен разворачивается, и от резкого движения ее волосы взлетают крылом, – ты ему нужна.

Мгновение мы стоим на месте, глядя друг на друга. В глазах Рэйвен что-то вспыхивает, какое-то выражение, не до конца понятное мне. Возможно, предостережение.

Потом на губах Рэйвен появляется улыбка.

– Я все еще команду, – говорит она. – Ты должна меня слушаться.

Так что я разворачиваюсь и иду вниз по склону, к лагерю, к Джулиану, которому я нужна.

Хана

Тем утром, проснувшись, я на мгновение чувствую себя сбитой с толку: комнату заливают яркий солнечный свет. Должно быть, я забыла задернуть шторы.

Я сажусь, сбрасывая одеяла в изножье кровати. За окном кричат чайки, а когда я встаю, то вижу, как солнце окрашивает траву в ярко-зеленый цвет.

На столе я обнаруживаю одну из тех немногих вещей, которые я потрудились распаковать: «После исцеления», толстое наставление, которое мне вручили после процедуры и которое, согласно предисловию, «содержит ответы на самые распространенные – и редкие! – вопросы, касающиеся процедуры и ее последствий».

Я быстро нахожу главу о снах, просматриваю несколько страниц. На них подробно, с нудными специальными терминами, описывается побочный результат процедуры – сон без сновидений. Затем я натываюсь на предложение, от которого мне хочется прижать книгу к груди: «Как мы постоянно подчеркиваем, все люди разные, и хотя процедура минимизирует различия в темпераменте и особенностях характера, она неизбежно воздействует на всех по-разному. Примерно пять процентов исцеленных сообщают, что продолжают видеть сны».

Пять процентов. Не так уж много, но все же и не аномалия.

Давно уже я так хорошо себя не чувствовала. Я закрыла книгу и приняла внезапное решение.

Сегодня я съезжу на велосипеде к дому Лины.

Я уже много месяцев не бывала рядом с ее домом в Камберленде. Это станет данью нашей прежней дружбе и способом избавиться от скверного ощущения, преследующего меня с тех пор, как я увидела Дженни. Лина, конечно, не устояла перед болезнью, но, в конце концов, это отчасти было и моей виной.

Наверное, потому я и думаю о ней до сих пор. Исцеление подавило не все чувства, и вина продолжает искать выход.

Я проедусь к этому старому дому, увижу, что там все в порядке, и мне станет лучше. Вина требует прощения, а я не простила себя за свой вклад в преступление Лины. Мне приходит в голову идея прихватить с собой немного кофе. Тетя Лины, Кэрол, его любила.

А потом я вернусь к своей жизни.

Я наскоро умываюсь, натягиваю джинсы и любимую теплую кофту, мягкую после многих лет общения с сушилкой, и, не расчесываясь, скручиваю волосы в пучок. Лина всегда корчила рожи, когда я так подбирала волосы. «Нечестно! – говорила она. – Если я попытаюсь сделать так, у меня на голове окажется воронье гнездо!»

– Хана! Что-то случилось? – окликает меня из коридора мать. В ее приглушенном голосе звучит беспокойство.

– Да нет, ничего, – отзываюсь я. – А что такое?

Мать смотрит на меня с подозрением.

– Ты... ты что, поешь?

Должно быть, я, сама того не осознавая, начала напевать себе под нос. Мне делается жарко от смущения.

– Я пыталась вспомнить слова одной песни, которую мне играл Фред, – быстро говорю я. – Но вспомнила совсем немного.

На лице матери отражается облегчение.

– Ее наверняка можно найти в ЛАММ, – советует она. Потом берет меня за подбородок и некоторое время критически изучает мое лицо. – Тебе хорошо спалось?

– Отлично, – отзываюсь я, высвобождаюсь из ее хватки и иду к лестнице.

Внизу папа расхаживает по кухне. Он уже одет для выхода на работу – осталось лишь повязать галстук. Стоит мне взглянуть на волосы отца, и я понимаю, что он смотрел новости. С прошлой осени, с тех самых пор, как правительство сделало первое заявление, подтверждающее существование зараженных, отец требует, чтобы новости были включены почти постоянно, даже когда мы уходим из дома. А когда он смотрит их, то запускает пятерню в волосы.

На экране женщина с оранжевым напыленным ртом сообщает: «Сегодня утром возмущенные граждане осадили полицейский участок на Стейт-стрит, требуя сообщить, почему оказалось, что зараженные свободно расхаживают по улицам, распространяя свои угрозы...»

У стола на кухне сидит мистер Рот, наш сосед, и баюкает в ладонях кружку с кофе. Он уже делается неотъемлемой частью нашего дома.

– Доброе утро, Хана, – здоровается он, не отрывая взгляда от экрана.

– Привет, мистер Рот.

Несмотря на то что Роты живут через дорогу от нас, а миссис Рот всегда рассказывает о новых нарядах, которые она купила своей старшей дочери, Виктории, я знаю, что они сейчас в затруднительном положении. Все их дети получили не особо хорошие пары – по большей части из-за скандальчика, связанного с Викторией: по слухам, ее заставили досрочно пройти процедуру, потому что поймали на улице после наступления комендантского часа. Карьера мистера Рота заглохла, и появились признаки денежных затруднений: Роты больше не пользуются своей машиной, хоть она и продолжает стоять, сверкая, за чугунными воротами, на подъездной дорожке. И свет они выключают рано – видимо, стараются экономить электричество. Похоже, мистер Рот так много времени проводит у нас потому, что сам больше не имеет работающего телевизора.

– Привет, па, – говорю я, проскальзывая мимо кухонного стола.

Он неразборчиво бурчит в ответ, скручивая очередную прядь волос. Дикторша продолжает: «Листовки были разбросаны по десятку различных мест. Их подсунули даже на детские площадки и в начальные школы».

На экране появляется запись репортажа: толпа протестующих на ступенях муниципалитета. На плакатах надписи: «ВЕРНИТЕ НАШИ УЛИЦЫ» и «АМЕРИКА БЕЗ ДЕЛИРИЯ». После убийства на прошлой неделе лидера АБД, Томаса Файнмена, эта организация получила бурную поддержку. Файнмена уже почитают как мученика, ему по всей стране ставят памятники.

– Почему никто ничего не предпринимает для нашей защиты? – говорит в микрофон какой-то мужчина. Ему приходится кричать, чтобы перекрыть гомон других протестующих. – Полиция должна охранять нас от этих сумасшедших! А в результате улицы кишат ими!

Я вспоминаю, какое волнение охватило меня ночью, когда я избавилась от листовки, как будто уничтожение означало, что ее никогда и не существовало. Но, конечно же, зараженные не метили лично в нас.

– Это возмутительно! – взрывается папа. Я всего лишь второй или третий раз в жизни слышу, как он повышает голос, а дара речи он решил всего однажды – когда назвали имена погибших во время нападения террористов и в этом списке оказалось имя Фрэнка Харгроува, отца Фреда. Мы тогда смотрели телевизор в рабочем кабинете, и внезапно отец развернулся и швырнул своим бокалом об стену. Это было настолько шокирующе, что мы с матерью лишь усталились на него в испуге. Я никогда не забуду слов отца, сказанных тем вечером: «Амор делирия невроза – это не болезнь любви. Это болезнь эгоизма». – На кой вообще существует это Министерство национальной безопасности, если...

Тут в его монолог вклинивается мистер Рот:

– Рич, успокойся. Присядь. Ты расстроен.

– Конечно, я расстроен! Эти тараканы...

В кладовой аккуратными рядами выстроились коробки с кашами и пакеты с кофе. Я сую пакет под мышку и сдвигаю остальные, чтобы щель была незаметна. Затем я хватаю кусок хлеба и мажу его арахисовым маслом, хотя новости чуть не отбили мне аппетит начисто.

Я прохожу через кухню и уже одолеваю половину коридора, когда папа окликает меня:

– Куда это ты собралась?

Я поворачиваюсь так, чтобы он не увидел пакет с кофе.

– Да захотелось прокатиться на велосипеде, – бодро откликаюсь я.

– Прокатиться на велосипеде? – переспрашивает папа.

– Свадебное платье немного тесновато. – Я экспрессивно взмахиваю куском хлеба. – Видимо, заедаю стресс. – По крайней мере на мое умение врать исцеление не подействовало.

Папа хмурится.

– Только не забирайся на окраины, ладно? Ночью произошел инцидент...

– Вандализм, – произносит мистер Рот. – И ничего более.

Теперь по телевизору показывают сюжет об Инцидентах, связанных с январскими действиями террористов: внезапное обрушение восточной стены Крипты – кадры расплывчатые, случайно заснятые на мобильник. Языки огня, вырывающиеся из здания муниципалитета. Люди, выскакивающие из заглохших автобусов и бегущие в панике и замешательстве по улицам. Женщина, осевшая в залив; платье вздымается за ней на волнах, словно вопия, что правосудие придет. Облако пыли, плывущее сквозь город и окрашивающее все на пути в белый цвет.

– Это только начало! – отрывисто бросает отец. – Они явно предупреждают нас.

– У них ничего не получится. Они не организованы.

– То же самое все твердили и в прошлом году, а закончилось это дырой в Крипте, смертью мэра и психопатами, заполонившими город. Вам известно, сколько заключенных бежало в тот день? Три сотни!

– После этого мы усилили службу безопасности, – стоит на своем мистер Рот.

– Эта служба не помешала зараженным прошлой ночью превратить Портленд в одну огромную почту. Могло произойти неведь что! – Отец вздыхает и трет глаза. Потом поворачивается ко мне. – Я не хочу, чтобы мою единственную дочь разнесло в клочья.

– Я не поеду в центр, па, – обещаю я. – На полуостров заезжать не буду, о'кей?

Отец кивает и поворачивается обратно к телевизору.

За дверью я останавливаюсь и съедаю хлеб, рукой придерживая пакет с кофе. Я слишком поздно понимаю, что мне хочется пить. Но возвращаться я не стану.

Я присаживаюсь, запихиваю кофе в мой старый рюкзачок – от него до сих пор еле заметно пахнет клубничной жвачкой, которую я часто жевала, – и снова натягиваю бейсболку поверх собранных в хвост волос. Еще я надеваю солнечные очки. Фотографов я не очень боюсь, но не хотелось бы натолкнуться на кого-нибудь знакомого.

Я вывожу велосипед из гаража и выруливаю на улицу. Считается, что разучиться ездить на велосипеде невозможно, но, усевшись в седло, я несколько мгновений шатаюсь из стороны в сторону, словно малявка, которая только-только начала ездить. Пробалансировав несколько секунд, я все-таки восстанавливаю равновесие. Я разворачиваю велосипед вниз по спуску и качу в сторону Брайтон-Корт, к проходной и границе «Древозащиты».

В шорохе колес по асфальту есть нечто успокаивающее – как и в ощущении ветра в лицо, влажного и бодрящего. Прежние чувства, которые я испытывала при катании на велосипеде, не возвращаются, но я ощущаю довольство, наподобие того, что чувствуешь, опускаясь на чистые простыни после долгого дня.

День отличный, ясный и на удивление прохладный. В такой день просто не верится, что полстраны изуучено выступлениями мятежников, что зараженные прокатились через Портленд, словно поток нечистот, рассеивая вокруг послания страсти и насилия. Не верится, что в мире что-то неладно. Анютины глазки кивают мне с клумбы, когда я проезжаю мимо, набирая скорость, позволяя склону нести меня вниз. Я проношусь мимо чугунных ворот, мимо проходной, не останавливаясь, лишь на миг вскидываю руку в приветствии – хотя вряд ли Сол узнал меня.

За воротами «Древозащиты» окружающее выглядит совершенно иначе. Участки земли, принадлежащие правительству, сменяются убогими территориями, и я проезжаю мимо трех жилых прицепов, припаркованных один за другим. Вокруг них – мангалы и кострища, клубы дыма и зола. Люди, живущие здесь, пользуются электричеством очень экономно.

Брайтон-авеню выносит меня на полуостров и, строго говоря, за границу, в центральную часть города. Но здание мэрии и скопление других муниципальных зданий и лабораторий, у которых собираются протестующие, в нескольких милях отсюда. Здесь, в таком отдалении от Старого порта, стоят малоэтажные дома, перемежаемые продуктовыми магазинчиками, дешевыми прачечными-автоматами, заброшенными церквями и давно не используемыми автозаправками.

Я пытаюсь вспомнить, когда последний раз была дома у Лины, а не она приходила ко мне, но память выдает лишь мешанину лет и картин, запах консервированных равиолей и порошкового молока. Лина стеснялась своего тесного дома и своих родственников. Она знала, какие слухи ходили об их семье. Но мне всегда нравилось приходить к ней. Сама не знаю почему. Тогда мне казалось, что меня привлекает кутерьма: тесно стоящие кровати в комнатах наверху, вечно чуждые электроприборы, постоянно вылетающие пробки, ржавевшая стиральная машинка, вместо стирки применяемая для хранения зимней одежды.

Невзирая на прошедшие восемь месяцев, я без труда нахожу дорогу к старому дому Лины и даже вспоминаю, как срезать путь через автостоянку, выходящую задами на Камберленд.

К этому моменту я уже успеваю вспотеть и потому останавливаюсь, немного не доходя дома Тиддлов, снимаю бейсболку и приглаживаю волосы, чтобы выглядеть хоть условно прилично. Чуть дальше по улице хлопает дверь, и на крыльцо выходит женщина. На крыльце громоздится поломанная мебель и за компанию – припорошенная ржавчиной сидуха от унитаза. У женщины в руках веник. Она принимается подметать на одном и том же месте, не отрывая взгляда от меня.

Этот райончик стал намного, намного хуже, чем прежде. Половина домов стоят заколоченные. Я ощущаю себя, словно подводник на новой субмарине, проплывающий мимо обломков потерпевшего крушение корабля. Занавески на окнах шевелятся, и взгляды незримых глаз провожают меня по улице – и гнев, бурлящий в унылых, обветшалых домах.

Я чувствую себя на редкость по-дурацки. Зачем я сюда пришла? Что я скажу? Что я вообще могу сказать?

Но теперь, когда я рядом с целью, я не могу развернуться и уйти, даже не повидав ее: номер 237, старый дом Лины. Но стоит мне подъехать к воротам, и я понимаю, что там уже некоторое время никто не живет. На крыше не хватает нескольких черепиц, а окна заколочены досками цвета плесени. Кто-то написал на входной двери большую букву «Х», символ того, что в этом доме гнездилась болезнь.

– Что вам нужно?

Я оборачиваюсь. Женщина на крыльце перестала подметать. Она теперь держит веник в одной руке, а вторую приставила козырьком ко лбу.

– Я ищу Тиддлов, – говорю я. Мой голос звучит слишком громко. Женщина продолжает смотреть на меня. Я заставляю себя подойти к ней поближе, развернув велосипед и подведя его к ее калитке, хотя внутренний голос бунтует, требуя, чтобы я исчезла. Я здесь чужая.

– Тиддлы съехали прошлой осенью, – сообщает женщина и снова принимается подметать. – Их не хотели больше здесь видеть. После того как... – Она внезапно смолкает. – Ну, не важно. Я не знаю, что с ними сейчас, да мне это и без разницы. Как по мне – пусть хоть сгниют в Хайлендсе. Испортили район, теперь тут никто не...

Я цепляюсь за прозвучавшие крохи информации.

– Они переехали в Диринг Хайлендс?

Женщина тут же настораживается – это чувствуется.

– А вам какое дело? – интересуется она. – Вы из молодежной стражи или что? Здесь хороший район, чистый. – Она тычет веником в свое крыльцо, словно пытается пристукнуть каких-то невидимых насекомых. – Мы каждый день читаем Руководство и ходим на контроль, как все. Но люди все продолжают докапываться и выпытывать, устраивать неприятности...

– Я не из АБД, – пытаюсь я успокоить ее. – И я не собираюсь устраивать никаких неприятностей.

– А тогда что вы тут делаете? – Женщина присматривается ко мне повнимательнее, и я вижу, как в ее глазах мелькает тень узнавания. – Эй, да вы никак тут бывали прежде?

– Нет, – поспешно отвечаю я и натягиваю бейсболку обратно. Мне больше нечего делать здесь.

– Я точно откуда-то знаю вас, – продолжает женщина, пока я взбираюсь на велосипед. Я понимаю, что до нее в любую секунду может дойти: ба, да это же та самая девушка, которую выбрали в пару Фреду Харгроуву!

– Нет, не знаете, – заявляю я и припускаю прочь.

Я должна выбросить это из головы. Я знаю, что должна. Но мне еще сильнее, чем прежде, хочется снова увидеть родственников Лины. Мне нужно знать, что произошло после ее побега.

Я не бывала в Диринг Хайлендс с прошлого лета, когда мы с Линой и Алексом обрелись в доме номер тридцать семь по Брукс-стрит, одном из многих здешних заброшенных домов. В доме номер тридцать семь Лину с Алексом застукали регуляторы – из-за этого они и предприняли свой случившийся в последнюю минуту, плохо спланированный побег.

Диринг Хайлендс тоже в куда большем запустении, чем мне помнилось. Этот район практически забросили много лет назад, а позже череда полицейских рейдов создала ему репутацию сомнительного. Когда я была маленькой, дети постарше любили рассказывать истории о призраках неизлеченных, которые умерли от амор делирии невроза и до сих пор бродят по улицам. Мы подначивали друг дружку – кто осмелится сходить в Хайлендс и потрогать заброшенный дом? Надо было коснуться ладонью стены и продержат ее так полных десять секунд – как раз достаточный срок, чтобы болезнь просочилась в тебя.

Однажды мы с Линой предали это вместе. Она пошла на попятный через четыре секунды, а я продержалась все десять, медленно считая вслух, чтобы наблюдавшие девчонки тоже это слышали. Целых две недели я была героиней нашего класса.

Прошлым летом случился налет на нелегальную вечеринку в Хайлендсе. Я была на ней. Я позволила Стивену Хилту прижиматься ко мне и шептать мне на ухо...

Одна из четырех нелегальных вечеринок, на которых я присутствовала после выпускного. Я помню, в каком нервном возбуждении я крадучись пробиралась по улицам во время комендантского часа, с сердцем, бьющимся где-то в горле, и как мы с Анжеликой Мэрстон встретились на следующий день и посмеялись над тем, как ловко мы провернули это дельце.

Мы шепотом разговаривали про поцелуи и грозились сбежать в Дикие земли, словно маленькие девочки, болтающие про Страну чудес.

В том-то и суть. Все это было детской чушью. Одной большой игрой про то, во что мы якобы верим.

Этого не должно было произойти ни со мной, ни с Анджи, ни с кем-либо другим. И уж точно этого не должно было произойти с Линой.

После налета этот район снова официально приписали к Портленду и часть зданий снесли. Здесь планировалось возвести новые низкодоходные дома для муниципальных работников, но строительство застопорилось после террористических актов, и, пересекая Хайлендс, я вижу одни лишь развалины – ямы, рухнувшие деревья с торчащими корнями, перебаламученную грязь и ржавеющие металлические вывески, гласящие, что здесь полагается носить каску.

Так тихо, что даже шорох шин кажется оглушительным. Внезапно ко мне приходит непрощенное воспоминание: «Тихо среди могилок идешь или в могилке лежишь», – в детстве мы шептались это, когда проходили через кладбище.

Кладбище. Именно на него похож сейчас Хайлендс.

Я слезаю с велосипеда и прислоняю его к старому дорожному знаку, указывающему путь к Мэйпл-авеню, еще одной улице с большими аккуратными ямами и выкорчеванными деревьями.

Я прохожу немного в сторону Мэйпл, чувствуя себя все более по-дурацки. Здесь никого нет. Это очевидно. А Диринг Хайлендс – большой район, лабиринт маленьких улочек и тупиков. Даже если родственники Лины и поселились где-то тут, никто не гарантирует, что мне удастся их найти.

Но мои ноги продолжают упрямо делать шаг за шагом, словно их контролирует не мой мозг, а нечто иное. На открытых местах дует ветерок. Воняет гнилью. Я прохожу мимо старого фундамента, оказавшегося под открытым небом, и он напоминает мне рентгеновский снимок из тех, что показывал мой стоматолог: зубчатые сооружения, похожие на челюсть, распахнутую и припиленную к земле.

Потом к прочим запахам примешивается запах дыма, слабый, но отчетливый.

Кто-то развел костер.

На следующем перекрестке я поворачиваю налево и иду по Вайнневуд-роадс. Это уже тот Хайлендс, который я помню по прошлому лету. Здешние дома никто не сносил. Они все еще стоят, угрюмые и пустые, за полосами старых сосен.

У меня то перехватывает дыхание, то попускает, то перехватывает, то попускает. Сейчас я недалеко от дома номер тридцать семь по Брукс-стрит. Внезапно мне становится страшно пройти мимо него.

Я принимаю решение: если я дохожу до Брукс-стрит, то считаю, что это знак, и поворачиваю обратно. Я вернусь домой. Я забуду про эту нелепую затею.

– Мама, мама, помоги домой вернуться...

При звуках песни я останавливаюсь. На мгновение я замираю, затаив дыхание, стараясь определить, откуда доносится голос.

– Я в лесу, я заблудилась...

Слова старой колыбельной про чудовищ, которые, как поговаривали, обитают в Диких землях. Вампиров.оборотней. Зараженных.

Только вот зараженные, как оказалось, вполне реальны.

Я схожу с дороги в траву и пробираюсь между деревьями, окаймляющими улицу. Я двигаюсь медленно, при каждом шаге ошупываю носком ноги место, куда собираюсь наступить, прежде чем перенести вес, – голос такой тихий, такой слабый.

Дорога сворачивает за угол, и я вижу девочку, сидящую на корточках посреди улицы в большом солнечном пятне. Ее спутанные темные волосы скрывают лицо, словно занавес. Девочка жутко худая, кожа да кости, угловатые коленки.

В одной руке она держит грязную куклу, в другой – палку. Конец палки заострен. У куклы волосы из спутавшихся желтых ниток и глаза из черных пуговиц – были когда-то, сейчас остался лишь один глаз. Рот – стежок из красных ниток, начавший распускаться.

– Я встретила вампира, старую развалину...

Я зажмуриваюсь, и в памяти всплывают остальные строки.

Мама, мама, уложи меня поспать. Мне дома не проснуться, я уже полумертва. Я встретила заразного, меня он обманул, Мне он улыбнулся и в сердце мне вошел.

Когда я снова открываю глаза, девочка на миг поднимает голову и пронзает воздух своим самодельным колом, словно перед ней вправду вампир. Я на мгновение застываю. Это Грейс, младшая кузина Лины. Любимая кузина Лины.

Та самая Грейс, которая не сказала никому ни единого слова за все те шесть лет, что я наблюдала, как она растет.

– Мама, мама, уложи меня поспать...

Хотя в тени деревьев прохладно, в ложбинке между моими грудями начинает скапливаться пот. Я чувствую, как его капли ползут на живот.

– Я встретила заразного, меня он обманул...

Теперь Грейс принимается ковырять палкой в шее куклы, словно ставя шрам от процедуры.

– Безопасность, здоровье и счастье, – поет она.

Голос ее делается выше и становится воркующим.

– Тс-с. Будь хорошей девочкой. Это не больно, честное слово.

Я больше не могу на это смотреть. Грейс сжимает мягкую шею куклы, и куклина голова вздрагивает, словно игрушка согласно кивает в ответ. Я выхожу из-под деревьев.

– Грейс! – окликаю я. И машинально вытягиваю руку вперед, словно пытаюсь подманить дикое животное.

Девочка застывает. Я делаю еще шаг в ее сторону. Грейс с такой силой сжимает свою палку в руке, что костяшки белеют.

– Грейс, – я откашливаюсь. – Это я, Хана. Я дружу... дружила с твоей двоюродной сестрой, Линой.

Девочка внезапно вскакивает и бросается наутек, бросив куклу и палку. Я бездумно спешу следом.

– Подожди! – окликаю я. – Пожалуйста! Я не сделаю ничего плохого!

Грейс бежит быстро. Между нами уже добрых пятьдесят футов. Она сворачивает за угол, и, когда я добегаю до него, ее уже нигде не видеть.

Я останавливаюсь. Сердце лихорадочно колотится, а во рту стоит противный привкус. Я снимаю бейсболку и вытираю пот со лба, чувствуя себя идиоткой.

– Полная дурь, – произношу я вслух. Мне становится лучше, и я повторяю чуть громче: – Полная дурь!

Откуда-то сзади раздается смех. Я разворачиваюсь. Никого. Волоски у меня на шее встают дыбом. Внезапно появляется ощущение, что за мной следят, и я вдруг соображаю, что если родственники Лины здесь, то здесь же должны быть и другие люди. – Я замечаю дешевые полиэтиленовые занавески для душа на окнах дома напротив. Рядом с ним во дворе множество обломков пластмассы – игрушек, коробок, пластиковых строительных блоков, – но все аккуратно разложено, словно этим кто-то недавно играл.

Мне делается не по себе, и я отступаю под защиту деревьев, не отрывая взгляда от улицы и внимательно высматривая, не шевельнется ли где что.

– Видите ли, мы имеем право здесь находиться.

Шепот доносится у меня из-за спины. Я стремительно разворачиваюсь в таком испуге, что на мгновение утрачиваю дар речи. Из-за деревьев выходит девушка. Взгляд ее широко распахнутых карих глаз устремлен на меня.

– Уиллоу? – с трудом выдавливаю я.

Веки девушки вздрагивают. Если она и узнала меня, то никак этого не выказывает. Но это совершенно точно она – Уиллоу Маркс, моя одноклассница, которая ушла из школы незадолго до выпускного, а впоследствии ходили слухи, что ее застукали с парнем, неисцеленным, в Диринг-Оук парке во время комендантского часа.

– У нас есть право, – повторяет она все тем же настойчивым шепотом и переплетает свои длинные, худые руки. – Дорога и путь для всех... Вот что есть обещание исцеления...

– Уиллоу... – Я делаю шаг назад и чуть не падаю, споткнувшись. – Уиллоу, это я, Хана Тэйт. Мы с тобой в прошлом году вместе ходили на математику. К мистеру Филлмору. Помнишь?

Веки девушки трепещут. Волосы у нее длинные и безнадежно запутанные. Мне вспоминается, что Уиллоу любила красить отдельные пряди в разные цвета. Мои родители всегда утверждали, что она влипнет в неприятности. И требовали держаться подальше от нее.

– Филлмор, Филлмор... – повторяет девушка. Когда она поворачивает голову, я вижу у нее три шрафика, отметину процедуры, и вспоминаю, что Уиллоу внезапно исчезла из школы за несколько месяцев до конца учебного года. Говорили, что ее родителей заставили отправить дочь на процедуру раньше срока. Уиллоу хмурится и качает головой. – Не знаю... я не уверена...

Она подносит пальцы к губам, и я замечаю, что кутикулы у нее превратились в лохмотья.

У меня тошнота подкатывает к горлу. Надо поскорее выбираться отсюда. Не нужно мне было приходить.

– Приятно было повидаться, Уиллоу, – говорю я и начинаю медленно, по шажочку, обходить девушку, стараясь не двигаться слишком быстро, хотя мне отчаянно хочется броситься наутек.

Внезапно Уиллоу хватает меня за шею и притягивает к себе, словно желая поцеловать меня. Я вскрикиваю и пытаюсь вырваться, но Уиллоу на удивление сильна.

Одной рукой она проводит по моему лицу, по щекам и подбородку, словно слепая. От прикосновения ее ногтей мне представляются мелкие грызуны с острыми коготками.

– Пожалуйста! – К собственному ужасу, я обнаруживаю, что чуть не плачу. Горло сдавливает. От страха трудно дышать. – Пожалуйста, отпусти меня.

Пальцы Уиллоу касаются моего шрама, оставленного процедурой. И вмиг она словно бы сдувается. На секунду ее взгляд делается осмысленным, и когда она смотрит на меня, я вижу прежнюю Уиллоу – энергичную и дерзкую – и потерпевшую поражение ныне.

– Хана Тэйт, – печально произносит она. – Так они и до тебя добрались.

Потом Уиллоу отпускает меня, и я бросаюсь наутек.

Лина

Корал замедляет наши передвижения. Теперь, когда ее вымыли и перевязали разнообразными порезы и ссадины, видимых повреждений у нее нет, но она явно слаба. Стоит нам тронуться в путь, как она начинает отставать, и Алекс плетется вместе с нею. В начале дня я, хоть и пытаюсь игнорировать это, слышу обрывки их разговоров, сплетающиеся с другими голосами и пробивающиеся сквозь них. Как-то до меня доносится даже хохот Алекса.

После полудня мы проходим мимо огромного дуба. Его ствол покрыт выдолбленными и вырезанными знаками. При его виде у меня вырывается возглас: я узнаю этот знак – треугольник, число и схематическое изображение стрелы. Этот значок вырезал ножом Брэм в прошлом году, когда мы шли из северного хоумстида, чтобы легче было по весне искать обратную дорогу.

Именно этот знак я запомнила особо: он указывал дорогу в дом, на который мы наткнулись в прошлом году, совершенно целый. В нем проживало семейство заразных. Рэйвен тоже должна его узнать.

– Джекпот! – с ухмылкой бросает она. Потом, повысив голос, сообщает остальным: – Дорога к приюту!

Раздаются радостные восклицания и гиканье. Неделя в разлуке с цивилизацией – и мы уже истосковались по простейшим вещам: крыше, стенам и бадье с теплой водой. А уж мыло!..

До дома меньше мили, и, когда я вижу остроконечную крышу, густо увитую бурными лозами плюща, у меня учащается пульс. Дикие земли – такие обширные, постоянно изменяющиеся, сбивающие с толку – заставляют особенно ценить знакомое.

– Мы останавливались здесь прошлой осенью, – отчего-то принимаюсь рассказывать Джулиану я. – Когда шли от Портленда на юг. Я помню это разбитое окно – видишь, как они заделали его планками? А вон над плющом торчит небольшая каменная дымовая труба.

Но я замечаю, что дом выглядит еще более запущенным, чем шесть месяцев назад. Фасад сильнее потемнел: скользкая черная плесень затянула промежутки между камнями. Небольшое расчищенное пространство вокруг дома, на котором мы в прошлом году ставили палатки, покрыто высокой бурой травой и колючками.

Над трубой дымок не поднимается. Без горящего огня в доме, должно быть, холодно. Прошлой осенью дети подбежали к нам, когда мы находились еще на полпути к входной двери. Они всегда были снаружи, смеялись, что-то выкрикивали, дразнили друг дружку. Теперь же здесь все недвижно и тихо; слышно лишь дуновение ветра в плюще.

Мне становится не по себе. Другим, похоже, тоже. Мы преодолевали последнюю милю торопливо, двигаясь плотной группой; нас поддерживала надежда на настоящую еду, на крышу над головой, на возможность почувствовать себя человеком. Но теперь все умолкло.

Рэйвен подходит к двери первая. Она поднимает руку, чтоб постучаться, мгновение колеблется, потом все-таки стучится. В темноте стук кажется гулким и чрезмерно громким. Ответа нет.

– Может, они ушли добывать еду, – говорю я. Я пытаюсь утихомирить зарождающуюся панику, скребущий душу страх – такой прежде приходил ко мне в Портленде всякий раз, когда я пробегала мимо кладбища. «Лучше поторопись, – говорила Хана, – а то они схватят тебя за пятки».

Рэйвен не отвечает. Она берется за дверную ручку и поворачивает ее. Дверь открывается.

Рэйвен, обернувшись, смотрит на Тэка. Тот снимает с плеча ружье и идет в дом. Рэйвен, кажется, испытывает облегчение от того, что он взял инициативу на себя. Она снимает с пояса нож и тоже входит в дом. Остальные следуют за ними.

Запах тут ужасный. Слабый свет проникает во тьму, вливаясь через открытую дверь и сочась через щели между планками, которыми заделано разбитое окно. Нам видны лишь очертания мебели. Большая ее часть разломана или перевернута. Кто-то вскрикивает.

– Что случилось? – шепотом спрашиваю я. Джулиан находит мою руку в темноте и сжимает. Никто не отвечает. Тэк с Рэйвен уже продвинулись в глубь комнаты. Под их ногами хрустит битое стекло. Тэк берет ружье за ствол и с размаху бьет по деревянным планкам на окне. Планки легко ломаются, и в комнате становится светлее.

Неудивительно, что тут так воняет: из перевернутого медного котелка высыпалась еда и загнила. Когда я делаю шаг вперед, из-под ног в разные стороны шмыгают какие-то насекомые. Я стараюсь сдержать подкатившую к горлу тошноту.

– О боже, – вырывается у Джулиана.

– Я посмотрю, что наверху, – говорит Тэк, не понижая голоса, и я подпрыгиваю от неожиданности. Кто-то включает фонарик, и луч скользит по полу, усыпанному чем ни попадя. Я вспоминаю, что у меня тоже есть фонарик, и пытаюсь нашарить его в рюкзаке.

Иду вместе с Джулианом на кухню, держа фонарик перед собой, как будто он может нас защитить. Здесь заметно больше признаков борьбы: несколько разбитых стеклянных банок, еще больше насекомых и гниющей пищи. Я стараюсь дышать через рукав. Вожу лучом фонарика по полкам кладовки. Здесь до сих пор хранятся неплохие запасы: банки с маринованными овощами и солониной выстроились ровными рядами рядом со связками вяленого мяса. На банках наклеены аккуратно подписанные этикетки, указывающие где что, и у меня вдруг отчаянно кружится голова. Я вспоминаю рыжеволосую женщину, склонившуюся над банкой, – как она улыбается и говорит: «Бумаги уже почти не осталось. Скоро нам придется угадывать что где».

– Все чисто! – объявляет Тэк. Мы слышим, как он топает обратно к лестнице, и Джулиан тянет меня по короткому коридору в главную комнату, где до сих пор так и стоит большая часть группы.

– Снова стервятники? – мрачно интересуется Гордо.

Тэк проводит рукой по волосам.

– Они не искали ни еды, ни припасов, – сообщаю я. – Кладовка до сих пор полна.

– Возможно, это были вовсе и не стервятники, – высказывает предположение Брэм. – Возможно, эта семья просто ушла.

– И перед уходом разнесла все в щепки? – интересуется Тэк. – И бросила все свои запасы еды?

– Может, они просто спешили, – упорствует Брэм. Но я вижу, что он и сам в это не верит. В доме так и витает нечто неправильное, тошнотворное. Здесь произошло что-то очень скверное, и все мы чувствуем это.

Я подхожу к открытой двери и шагаю на крыльцо, вдыхаю чистый воздух, пахнущий простором и просыпающейся растительностью. Лучше бы мы сюда не приходили!

Половина народу уже выбралась наружу. Дэни медленно бродит по двору, раздвигает траву руками – ищет что-то, что ли, – словно бредет через воду глубиной по колено. За домом разговаривают на повышенных тонах. Потом сквозь шум раздается голос Рэйвен:

– Назад! Не ходите сюда! Я сказала – назад!

У меня все внутри сжимается. Она что-то нашла.

Рэйвен выходит из-за дома, запыхавшись. Ее глаза горят гневом.

Но она говорит лишь:

– Я нашла их.

Ей даже не требуется добавлять, что они мертвы.

– Где? – хрипло спрашиваю я.

– У подножия холма, – бросает Рэйвен, потом протискивается мимо меня в дом. Я не хочу возвращаться внутрь, в ту вонь, и темноту, и лежащий на всем флер смерти – во всю эту неправильность, в зловещую тишину, – но возвращаюсь.

– Ну, что нашла? – спрашивает Тэк. Он так и стоит посреди комнаты. Остальные расположились вокруг него полукругом, безмолвные и застывшие, и на мгновение, когда я снова вхожу в комнату, мне кажется, будто я вижу статуи в полумраке.

– Следы огня, – говорит Рэйвен, потом добавляет чуть тише: – Кости.

– Так я и знала! – голос Корал звучит пронзительно, с нотками истеричности. – Они были здесь! Так я и знала!

– Они уже ушли, – успокаивающе произносит Рэйвен. – Они не вернутся.

– Это были не стервятники.

Все резко оборачиваются. В дверном проеме стоит Алекс. В руке у него зажато что-то красное – не то лента, не то полоска ткани.

– Я же тебе сказала не ходить туда! – говорит Рэйвен. Она смотрит на него свирепо – но я вижу под гневом страх.

Алекс, не обращая на нее внимания, проходит в комнату, встряхивает ткань и поднимает, чтобы всем было видно. Это длинная полоса красной пластиковой ленты. На ней отпечатаны повторяющиеся изображения черепа со скрещенными костями и слова: «ОСТОРОЖНО: БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ».

– Весь этот участок был обтянут, – сообщает Алекс. Лицо его ничего не выражает, но голос звучит сдавленно, как будто он говорит сквозь шарф.

Теперь я сама превращаюсь в статую. Я хочу что-то сказать, но в голове ни единой мысли.

– Что это значит? – спрашивает Пайк. Он живет в Диких землях с детства. Он практически ничего не знает о жизни на огороженных территориях – о регуляторах и инициативах здоровья, о карантинах и тюрьмах, о страхе заразиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.